

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ISSN 2225-0271

ДАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 1 (118) 2018
январь — февраль

Тема номера:
**РАБ СВОБОДЫ —
РАБ ИЛИ СВОБОДНЫЙ?**

- Творец поющих слов
- Стал монахом, но остался художником
- Бог в советском кино

Песня Тынэтэгина

Рассказ

От Аянки до Каменского двести километров. Три ночевки, если по доброй погоде. Тынэтэгин знает эту дорогу хорошо. Может ехать с закрытыми глазами. Он как-то даже предложил Кававу поспорить на бутылку уксымы. Кавав долго молчал, потом усмехнулся и мечтательно уставился на солнце, точнее туда, где должно быть солнце, потому что который день тундру со всех сторон облепили тяжелые сырые облака, и только там, где сейчас должно быть солнце, небо словно поизносилося и просвечивало другими облаками, только более легкими и более светлыми. Усмехнулся Кавав и, будто нет здесь никакого Тынэтэгина, сказал в никуда:

— Хитрый ты, Тынэтэгин. Зачем глаза, если есть собачки? Уксимой могу и так угостить, — он рассупонил ворот кухлянки и вытащил висющую на шее резиновую медицинскую грелку. Таких теперь в аптеках не сыщешь, а в тундре ей цены нет. Нальет в нее коряк уксымы, повесит на шею, так, чтобы приютилась на груди, и — в дорогу.

Нет, Тынэтэгин не пьяница. Каюру нельзя быть пьяницей. Тундра не велит. Вон Игиклав нарушил закон, наакался уксымы и поехал в Палану отвозить шкурки...

Выходит, права была старая Явелкут, когда погрозила скрюченным пальцем жене Игиклава:

— Зря спешишь, Чейвынэ. Чем дольше будешь шить погребальную кухлянку, тем дольше проживет твой Игиклав.

Чейвынэ в ответ засмеялась:

— Темная ты женщина, Явелкут. Вернись во всякие сказки.

Где теперь Игиклав, где соболь? Хорошо, если летом кости его найдут. Нинвит постучит в бубен, злых духов отгонит, чтобы Игиклав не волком-человеком стал, а, допустим, в оленчика поселился.

Нет, Тынэтэгин не пьяница, но какой коряк отправится в тундру без уксымы? Без огненной воды в больших переходах просто никак. Мягкая грелка ласково греет тело, уксыма чуть слышно булькает, словно голец бьет хвостом, поднимаясь по ручью, а главное, знаешь: стоит подустать — вытащишь из-под кухлянки грелку, открутишь резиновую пробку... Одного глотка хватит, чтобы кровь побежала, как резвая упряжка. Тело словно потеряет в весе — так легко и проворно станут дви-

гаться ноги в торбазах, и что с сопки, что на сопку — одинаково сподручно бежать, знай себе держись за край нарты, чтобы собачки не вильнули в сторону.

Это ничего, что уксыма малость отдаст резиной. Когда к ним в Аянку приехал вулканолог Генрих Штейнберг — вот бы такого мужа его Вуввуне! — так он говорил, что уксыма, по-ихнему водка, получает от резины дополнительную пользу и что охлаждать водку вообще нельзя, потому что от охлаждения все сжимается, значит, водки будет меньше, а вот в грелке, под теплой кухлянкой, — самое то. Генрих, он знает, он с вулканами имеет дело, а что такое камчатский вулкан, Тынэтэгина учить не надо. Нет, Тынэтэгин определенно не пьяница, и уксыма для него примерно то же, что юкола для его собачек.

От Каменского до Аянки тоже двести километров. И тоже три ночевки, если по доброй погоде. Вот только погода уже малость не та, что была, когда ехал сюда. Дрянь, скажем прямо, погода. Да и дорога дрянь. Впрочем, какая в тундре дорога? Когда шел в Каменское, дорога спускалась на юг и нарты бежали резво и легко. А сейчас она карабкается на север, хотя какая дорога в тундре? Снег да редкий кедрчак. Возле Аянки, правда, еще лиственница удерживается на склонах сопки, а дальше все мягкий, рыхлый снег. Так после пурги, пока морозом не прихватило. Или хрустящий, сверкающий на солнце — в обычные дни. Обычные дни — это когда температура ниже 35–40 градусов. За ружье лучше не браться голыми руками в обычные дни: без кожи останешься.

Однако любит уходить в зимнюю тундру Тынэтэгин. Особенно — туманным утром, когда зябко жмутся к крышам домов сизые дымы поселка. Любит чувствовать себя сильнее мороза и снега. Любит держать остол в правой руке и ощущать его послушный вес. Любит гыкнуть на собачек — вправо, значит, а когда два раза — значит, влево. Или воткнуть остол перед нарткой, чтобы собачки не потянулись за хозяином, когда тот шагнет по нужде в сторону. Умные у Тынэтэгина собаки, образованные. Будто в Аянке в школе учились. Что ни скажи — все понимают. Вон в Каменском сами на почту прибежали, пока он Тнелкута навещал. Знает: подбежали к крыльцу, и вожак позвал начальника. Знает: тот вышел с мешком писем и двумя мешками с посылками для Аянки и

ближних пастбищ, уложил на нарту, хлопнул сверху ладонью, и побежала упряжка к дому Тнелкута, где ждал ее Тынэтэгин. Там, знает Тынэтэгин, вожак лаять не будет — нельзя лаять на хозяина, ляжет на снег и будет ждать. И другие собачки лягут и тоже будут ждать, время от времени взглядывая из-под бугорков бровей на дверь, откуда должен появиться Тынэтэгин и дать им юколу.

В ту путину и горбуша и кета были особенно нагульными, как будто японцы их специально выкармливали, прежде чем отпустить нереститься на Камчатку. Вот и юкола получилась отменная. Отвялил ее Тынэтэгин на скупом камчатском солнце как положено — чтоб не превратилась в пустую деревяшку, но и не задохлась чтобы, не пошла плесенью, Тынэтэгин знает, как делать настоящую юколу, вот и сохранился в ней запах теплого моря, неуловимо волнующий его, может, в прежней жизни Тынэтэгин был китом или касаткой?

Тынэтэгин вышел на крыльцо, как всегда точно, будто у него и у вожака были часы, по которым они сверяли время. Вожак, остроухий Бахран, медленно, словно нехотя, поднялся, вытянул сперва передние лапы и потряс-покрутил над ними головой, явив миру темно-коричневую треугольную заплату, пристроившуюся под бубликом хвоста, потом, поочередно, — задние, после чего, опять же неспешно, сел на заплату, аккуратно подобрав лапы, а вокруг всеорасположились остальные собачки, но уже как бы по команде «вольно», роняя нетерпеливую слону с розовых, аппетитных, как довоенная ветчина, языков.

Любит уходить Тынэтэгин в тундру и ночью, под глазастое черное небо. Только вот в пургу не уходит Тынэтэгин в тундру. Потому что шутить с тундрой нельзя. Очень плохо с ней шутить. Но на этот раз Тынэтэгин, похоже, изменит правило. Груз у него необычный. Новогодняя почта. С материка пишут, шлют приветы, делятся новостями родственники, друзья, кто-то, знает Тынэтэгин, отвечает на письма, которые посылали ему из Аянки, значит, ждут ответного письма. Вот какая почта у Тынэтэгина, и доставить ее нужно землякам в срок, то есть до того, как придет в тундру Новый год. Тынэтэгин не первый раз привозит землякам новогоднюю почту, и не было случая, чтобы он опоздал. Потому каюру и готовился в обратный поход, хотя погода, спроси ее об

этом Тынэтэгин, сказала бы ему: «Пусть тундра говорит свои слова, а ты не спеши подставлять ей ухо».

Тынэтэгин достает из мешка юколу. Три... семь... двенадцать штук. Сейчас он подойдет к каждой собачке и бросит на снег причитающиеся две тушки. Начнет, понятно, с вожака, с Бахрана. Так положено. В тундре это знает каждая собака. Был, правда, случай, когда молодой и глупый Аян попытался нарушить этот неписанный закон и потянулся за тушкой вожака. Его дружно облаяла вся упряжка. Вся, кроме Бахрана. Тот и ухом не повел. Ждал, когда упряжка сама наведет порядок.

Так, собственно, все и произошло. Как происходило всегда, когда Тынэтэгин ездил в Каменское за почтой или за каким другим грузом. Он разбросал рыбок перед собачками, а сам занялся увязыванием нарты. Знал, ой знал Тынэтэгин, что обратный путь будет трудным. Слишком уж липнет снег к полозьям. В оттепель он липнет не так. В оттепель его можно сбросить с полозьев взмахом рукавицы, а сейчас он похож на летнего слепня – такой же настырный. Тынэтэгин пропустил веревку через переднюю дугу нарты, затем, сделав петлю, накинул ее на мешки, крепко затянул шаманским узлом, для чего пришлось упереться в нарту, и подергал верхний мешок за угол, торчащий собачьим ухом: увязано было крепко. Между тем упряжка прикончила свою юколу и теперь валяжно разлеглась на снегу, словно экономя силы перед дальней дорогой.

Дорога за Каменским кончилась почти сразу. Перед Тынэтэгином лежала тундра. Куда хочешь, туда и езжай. Он и едет, куда хочет. И собачки бегут, куда хотят. Домой то есть. Тынэтэгин только чуть подправляет их бег. Чуть-чуть, самую малость. Постучит остолом по дуге нарты, и если упряжка бежала слишком резво, то убавит шаг, а если ленилась, то прибавит. Тынэтэгин отметил про себя: потянула поземка. Пока, правда, едва заметная, но глаз каюра уловил это легкое движение снега.

Пурга просыпалась лениво, как бы нехотя. Тынэтэгин знал: будет шататься по тундре долго, как медведь, которому поломали зимнюю спячку. Нет, Тынэтэгин не боялся дурной тундры. Он знает, как обхитрить ее. В его языке даже слово такое есть, по-русски означает пурговать. Нужно уложить собачек дугой, спинами к ветру, воткнуть в снег остол, чтобы потом найти упряжку, выкопать в снегу яму и спрятаться в ней, завернувшись в меховой кукуль. День, три можно пурговать в тундре. И больше можно. Еда есть? Есть чай в термосе? Есть грелка? Лежи себе и думай, мысли всякие сочиняй. Больше

всего Тынэтэгин любит думать про свою работу. Про то, какая она у него особенная, ни у кого такой нет. Олени как были в тундре, так и остались, и ничего с ними не сделается, так будет всегда. А почта? Кто раньше знал, что это? И кому она была нужна? Рождались в тундре, жили в тундре и уходили к верхним людям тоже из тундры. Отец с сыном, мать с дочерью в одной юрте, на одной нарте, у одного оленьего стада.

А теперь без почты никак нельзя, думал Тынэтэгин, и от этой мысли дорога ему казалась приветливей, и собачки резвее, и поземка тише. Аттык (он и сейчас вспоминается Тынэтэгину смешным и неуклюжим, как маленький олененок) скоро станет доктором. Хорошо, летом внук здесь, на виду, и вся семья знает, что он делает. А когда зимой уезжает в Хабаровск, даже зоркий глаз Тынэтэгина не может увидеть, как он там в большом, шумном, уютном городе. Вот когда нужна почта. Она – как глаза, и уши, и язык: увидит, услышит, расскажет. Будто сам Аттык сидит возле деда, разве только рукой не коснуться.

Теперь, правда, у почты появились братья. Одного зовут интернет, другого – мобильник. Тынэтэгин видел в Каменском этот самый интернет. Слова вроде такие же, как в письме, только холодные и чужие, будто вынули из них душу. А слово на бумаге – от него тепло идет, и пахнет оно тем человеком, который писал его. И мобильник ваш не сильнее письма. Тынэтэгин умеет говорить по мобильнику, однако с письмом его тоже не сравнить. То батарейка сядет, то «абонент недоступен», то «извините, в данный момент нет связи»... Нынче надо непременно поспеть к сроку, наказывает себе Тынэтэгин и чуть постукивает остолом о бортик нарты. Даже не столько дает команду собачкам – они и так все хорошо знают, – сколько чтобы быть при деле, что, мол, не просто полосует тундру каюр, а исполняет свою работу. С тех пор, как этот праздник пришел к ним в тундру, он почему-то сразу стал особенным. Особеннее самого холохо! А кто в тундре не любит холохо? Конец осени. Конец охоты. Конец рыбалки. Заготовлены грибы и ягоды. Самое время сказать спасибо природе и богам за то, что не оставили коряка один на один с длинной и трудной зимой. Хороший праздник холохо! Добрый. Красивый. А День нерпы чем хуже? Тынэтэгин помнит, хоть и давно это было, каким был тот день для него. Юноша, он должен был добыть свою первую нерпу (они тогда жили на побережье, не кочевали в тундре, это потом все разъехались кто куда, дядя Пепекавав, например, вообще подался в Лабитнанги,

к ненцам). Помнит Тынэтэгин, как перед началом охоты дядя Пепекавав одним ударом убил пса, назначенного жертвой морю, как потом спустили собаку в полынью и почему-то присыпали воду махоркой. А вот самое главное Тынэтэгин и забыл. Забыл, как это было: как добыл свою первую нерпу, заслужив тем право называться охотником и ходить вместе со взрослыми на промысел. А когда они перебрались с побережья в центральную тундру и стали кочевать, к ним пришел новый праздник – коянайтатк, посвященный возвращению оленей с летних пастбищ.

Про холохо Тынэтэгин думал, когда пурговал в первую ночевку. И про нерпу думал тоже в первую ночевку. Во вторую ночевку Тынэтэгин думал про коянайтатк, праздник возвращения оленей с летних пастбищ. А про Новый год он решил думать в третью ночевку, перед самой Аянкой. Только на этот раз третья ночевка, пожалуй, не будет последней. За всю свою жизнь в тундре, а это, почитай, полста с лишним лет, Тынэтэгин не попадал в такую пургу. В декабре солнце почти не приходит в камчатскую тундру. А здесь, на севере, выглянет из-за горизонта на чуть-чуть, и то если небо не затянуто, и снова нырнет к южным людям. Зачем им еще и солнце, не понимает Тынэтэгин, когда там и так тепло? А нынче, похоже, на всей земле только пурга, снег и сверху, и сбоку, и в лицо, и в спину, такой снег, что почти не видит Тынэтэгин вожака упряжки. Иногда тот, словно нерпа из воды, вынырнет из снега и тут же снова окунется с головой. А до Нового года осталось совсем немного – чуть больше, чем Тынэтэгину сейчас до Аянки, но снег так летит, так летит, что обгоняет любое время.

Трудно сказать, почему Тынэтэгин каждый раз с замиранием сердца ждет, когда Главный человек страны скажет из далекой Москвы: «С Новым годом! С новым счастьем!», после чего главные часы страны ударят двенадцать раз – и вот оно, новое счастье, оказывается, уже пришло к ним в тундру. Правда, Тынэтэгин как жил в тундре, так и живет и вообще все у него – как было и раньше, правда, дорогим товарищем его теперь не называют, как раньше, но он не против, потому что не в этом счастье.

Тынэтэгин вспомнил, как выезжал из Каменского: дорога выбежала навстречу и кинулась под ноги собачкам, белая, мягкая, и Тынэтэгин помнит, что подумал тогда: не к добру, когда снег липнет. Это к пурге. И собачки еще с вечера валялись в снегу. Тынэтэгин сердито гыкнул на них, будто от этого зависела погода, будто можно что-то изменить: если уж пурга

надумала прийти в тундру – она придет. Утром, пока погода позволяла, в Каменское успел прилететь из Петропавловска самолет с новогодней почтой, и Тынэтэгин, почти не задерживаясь у Тнелкута, двинул в обратный путь.

Тынэтэгин хотел было подкрепить упряжку парой псов Тнелкута, однако не стал. От чужих собак больше вреда, чем пользы. Облегчить нарту – дело другое. Но она легка у Тынэтэгина. Пожалуй, самая легкая в тундре. И упряжка самая сильная. Даром что ли в каждых гонках Тынэтэгин приходил первым. И Тынэтэгин топил торбаза в снегу, стараясь идти в шаг с упряжкой и только держась левой рукой за бортик, но никак не опираясь на нарту, потому что собачкам и так тяжело.

О чем еще подумать? Вроде обо всем думал. И о доме, и о внуке, и о пурге... О новогодней почте, об оленях... Нет, об оленях еще не все подумал. Как привел стадо, которое отбили росомах. Хватились – нет оленей. С полста голов не хватает. Куда могли деться? Волков вроде нет в здешних местах. Полетели в тундру на «Антоне». Весь световой день летали. Не нашли. Назавтра снова полетели. И в распадке ручья Кипервеем увидели стадо. Сбились олешки в круг, по краям те, что поматерее, за ними важеньки, а в самой середине молодые оленчики, а кругом росомахы, хитрые твари, дети Камака, а какие у подземного духа могут быть другие дети? Это они на зиму себе корм заготавливают. Отобьют часть оленей, угонят в тундру, подальше от стойбища, и пасут. Жрать захотели – оленчика задрали, остальных дальше пасут. Знают: олень сам стадо не бросит, будет со всеми держаться. «Антон» прошел тогда над самым стадом. Тынэтэгин только приложился к карабину – а тварей и след простыл. А потом Тынэтэгин пришел сюда с собаками и отогнал стадо к стойбищу.

Вот и об оленях подумал Тынэтэгин. Теперь бы спеть каюру, да голосом не вышел. Иной раз забудет, начнет петь – так собачки на снег ложатся и уши прижимают. Поэтому Тынэтэгин никогда не поет. Больше молчит, думает. Думать тоже полезно.

После третьей ночевки Тынэтэгин понял, что до Аянки ему за короткий дневной переход не добраться. Пурга неслась, как упряжка без вожака. Не разбирая дороги. Спросишь: какая в тундре дорога? Это смотря для кого. Для Тынэтэгина, например, это не вопрос, как любит говорить вулканолог Генрих Штейнберг. У него все «не вопрос». Вот и Тынэтэгину понравилось так говорить, хотя он не понимает, при чем тут вопрос. В общем, четвертой ночевки не избежать. Тынэтэгин

даже осерчал на тундру. Она, словно нарочно, встала на его пути. Брыкалась, как олень, на которого накинули чаут, хватала за лицо, будто голодная росомаха. Выла одиноким волком, кричала умирающим оленем, и все мертвые шаманы тундры, казалось, поднялись из пепла и били в бубны вокруг Тынэтэгина и его упряжки. Тынэтэгин не видел тундру такой. И отец Тынэтэгина, старый Нутелкут, не рассказывал ему о такой тундре.

Потяжелела нарта. Не дойти до Аянки. Правда, можно закопать мешки в снег, а когда стихнет, вернуться за ними. Скоро Тынэтэгин поравняется со старой листовницей, такая одна во всей тундре. Под ней он и оставит мешки. И тогда в Аянке не получат новогоднюю почту, а о нем будут говорить как о слабом человеке, который испугался тундры и бросил дело на полпути. И Тынэтэгин снова толкает вперед нарту, но собачкам от этого мало пользы, потому что они захлебываются в снегу.

Тынэтэгин чувствует, что собачки скоро лягут. Они тащатся по тундре из последних сил, и теперь ни ласка, ни угрозы не могут заставить их бежать быстрее. Его собачки, они тоже никогда не бросают дело на полпути. И если уж они лягут, значит, больше не могут идти.

Упряжка поднимается на сопку. Оттуда в добрую погоду видны огни его Аянки. В добрую погоду это не очень далеко. Но подъем забрал последние силы у собачек, и они легли в снег, жалобно поскуливая и выкусывая намерзшие между когтями сосульки. Еще ни разу не пурговал Тынэтэгин в новогоднюю ночь. Когда-то, может, и случалось, но тогда не было этого праздника. Точнее, праздник был, думает Тынэтэгин, но он его не знал, значит, не было. А теперь привык. Привык возвращаться домой до наступления этой удивительной, необыкновенной ночи и с замиранием сердца ждать, когда Главный человек пожелает ему счастья. Привык просыпаться наутро и с молчаливым удивлением обнаруживать, что ничего вроде не изменилось со вчерашнего дня, и в то же время чувствовать, что оно пришло, это новое. А что – пока не знает. Раньше это чувство ему не было знакомо.

Тынэтэгин поставил нарту на ребро и спрятал за ней собачек. И мешки с новогодней почтой тоже спрятал. Им хорошо, подумал Тынэтэгин, им хорошо – и собачкам, и мешкам. Они отдыхают. А в письмах новогодней почты столько новостей, столько мыслей, что будь они все в голове у Тынэтэгина, ему хватило бы на всю жизнь ходить от людей к людям и рассказывать им. А сколько еще посылок... Плохо, что там, в Аянке, они останутся без

новогодней почты и потому все новости и мысли станут старше на целый год, когда Тынэтэгин перестанет пурговать и придет в село. Ему очень хочется, чтобы люди Аянки узнали новости и мысли новогодней почты, когда это положено. Ему хочется, чтобы новости и мысли новогодней почты вырвались из конвертов и улетели в тундру, к освещенным окнам села, чтобы поспели к людям до прихода нового счастья. И Тынэтэгин вытягивает из-под кухлянки электрический фонарь, с которым зимой никогда не расстается, включает, и сильный луч расправляет перед собой покрывало пурги, затем развязывает верхний мешок с новогодней почтой и достает из него первый попавшийся конверт и раскрывает его. Ветер, словно голодный пес, накидывается на бумажный лист, снег мгновенно залеplяет его белыми кляксами, и Тынэтэгин понимает, что так ему не выполнить задуманное. Он опускается на колени, плотно прижавшись к поставленной ребром нарте, задирает подол верхней кухлянки и натягивает ее на голову, и там, в этой уютной и тесной норке, расправляет письмо и направляет на него фонарь.

Если бы Тынэтэгин знал про закон, который запрещает читать чужие письма, он, возможно, не стал бы открывать конверт. Тынэтэгин не любит нарушать закон. Его приучила к этому тундра. А может, и тогда он распечатал бы конверт, потому что люди очень ждут новогоднюю почту, а что важнее – люди или какой-то там закон? Словом, Тынэтэгин раскрывает конверт, направляет на письмо фонарь, и губы каюра шевелятся, словно повторяют движение глаз, читающих строки письма. После этого он высовывает голову из-под подола кухлянки и начинает... петь. Собачки настороженно поднимают головы, потому что даже ветер не может заглушить голос Тынэтэгина. Они настороженно поднимают головы, потому что их хозяин никогда не пел так громко. Если бы собачки понимали все слова в языке Тынэтэгина, они не стали бы удивляться своему хозяину, а, собрав остатки сил, поднялись и потащили бы нарту. Они бы поняли: такое дело нельзя бросать на полпути, чего бы это ни стоило. А Тынэтэгин пел. Ветер подхватывал слова и уносил их в тундру, к окнам Аянки. Уносил в тундру новости и мысли новогодней почты.

«С Новым годом! Я вчера сдал зачет по сопротивлению материалов...» – Тынэтэгин знает не заглядывая в конец письма: раз адресовано Севериным, значит, от сына, он тоже, как и его Аттык, учится в Хабаровске, только не на доктора, а на инженера, потому у него зачет по сопротивлению материалов. Тынэтэгин представляет, как

Рисунок Аси Шеваровой

Северин-младший сдает этот самый зачет: ему дают в руки остол, и он гнет его, а тот сопротивляется. Согнет в дугу – сдал зачет. Нет – приходи снова. У них почему-то это «хвост» называется, ему Аттык говорил.

«Когда поеду домой, залечу по дороге к Энье, а потом вместе приедем к вам...» – ну как можно оставить такое письмо до следующего года!.. Последние слова Тынэтэгин выпевает особенно старательно – чтобы Долганы все поняли и успели подготовиться к встрече детей. «С Новым годом! Можете поздравить меня: я вышла замуж. У него свой салон красоты. Летом приедем к вам...» – это можно было и не петь: до лета еще далеко. Хватит ли голоса Тынэтэгину? Не вопрос – должно хватить! Вон ведь какие важные слова посылает Кававам их Милют. «Спрашиваете, почему телефон быстро разряжается? Должно быть, аккумулятор сдох. Летом привезу новый...». Надо же так назвать сына! Вот и вырос похожим на зайца – трус. Тынэтэгин подносит к свету следующий конверт. Письмо самому Генриху Штейнбергу! Конечно, от Пелагии Ивановны. Хорошая у него мама. За все лето не услышал от нее Тынэтэгин ни одного черного слова. Всем довольна. Только вот очень жалела, что нет у них в Аянке церкви. Тынэтэгин предлагал ей сходить к шаману Нинвиту, брался проводить, так Пелагия Ивановна мягко так улыбнулась, покачала головой и сказала: «Спасибо тебе, добрый человек. У нас с твоим шаманом разные дороги». Тынэтэгин не понял ее: «Он ведь тоже с богами имеет дело». – «У вас боги, – ответила она. – А у нас – Бог». –

«Ну и что?» – опять не понял Тынэтэгин. Мама вулканолога задумалась: «Как бы тебе объяснить, милый мой Тынэтэгин... Вы боитесь своих богов?». – «Еще как!» – живо откликнулся Тынэтэгин. «И вы стараетесь, чтобы они на вас не сердились?». – «Иначе нам ой как плохо будет!» – Тынэтэгин даже скорчил гримасу, для наглядности, что ли. «А наш Бог, – сказала мама Генриха Штейнберга, – Он настолько любит всех людей, что никому не делает ничего плохого». – «И вы Его не боитесь?». – «Мы боимся Его огорчить».

Тынэтэгин вспомнил этот разговор и подумал: «Она сказала: “Любит всех людей”. Значит, и меня тоже? И мне тоже не сделает ничего плохого? А как можно любить всех людей? – опять задумался Тынэтэгин. – Людей вон сколько, а Бог, она говорит, один. И вспомнил, как она ответила: “Наш Бог все может. А потом у него есть помощники – ангелы и святые”». Тынэтэгин этих ее слов не понял, но решил, что больше говорить не надо. Он открыл конверт и начал было петь письмо от Пелагии Ивановны ее сыну Генриху Штейнбергу и тут же споткнулся о первое слово: «Дорогой мой сыночек Мишенька...».

Может, это другое письмо? Нет, адрес правильный. А, так это, наверное, Пелагия Ивановна не то письмо в конверт положила. Получается, у Генриха есть брат Мишенька? Тоже нескладно как-то. Нет у него никакого брата! Уж кто-кто, а Тынэтэгин знал бы об этом. Почтовый каюр знает всех и обо всех в Аянке. У кого только что намечается – Тынэтэгин уже знает. А тут – взрослый брат... Ладно, не вопрос, потом разберусь, а сейчас петь надо.

И Тынэтэгин продолжает: «Поздравляю тебя с Рождеством Христовым и посылаю тебе очень древнюю молитву к Архангелу Михаилу, в честь которого ты крестился. Читай ее каждый день...». Выходит, у его друга-вулканолога два имени? Ну и что? У них в тундре почти у всех по два, а то и по три имени. Когда всем дали эти самые паспорта, так и получилось. И Тынэтэгин тоже не только Тынэтэгин, но еще и Нутелкутович, и еще Мохнаткин, так в паспорте записано. Ладно, мама Пелагия Ивановна сказала каждый день читать молитву... «Пошли, Господи, – затынул Тынэтэгин, – Архангела Твоего Михаила на помощь рабу Твоему Михаилу... мама сказала, Бог всех любит... и на помощь каюру Тынэтэгину... изъ... изъяти его от враг видимых и невидимых. О Господень Михаиле Архангеле, демонов сокрушитель! Запрети всем врагам, борющимся со мною, сотвори их яко овцы... И сокруши их, яко прах пред лицом ветра...».

Было бы преувеличением сказать, что Тынэтэгин понимал все, что читает, а тем более – что поет. Но природным чутьем человека, почти не ограненного цивилизацией, он воспринимал каждое слово так, словно оно было придумано им и обращено к кому-то конкретно. А про ветер и вообще объяснять ничего было не надо. Тундра, пурга – все ясно. «О великий Архангеле Михаиле! Помози мне, грешному рабу твоему Михаилу... и рабу Тынэтэгину, избави мя от труса... потопа, от огня и меча, от напрасныя смерти, от всякого зла, и от врага льстивого, и от бури наносимыя, и от лукавого избави мя, великий Михаиле, Архангеле Господень, всегда ныне и присто и во веки веков. Аминь!».

Тынэтэгин допел последнее слово, смысла которого он, конечно же, не понял. Как не понял, например, почему нужно избавлять его от труса. Чем трус опасен? Было и еще много слов непонятных, но важно было другое, чувствовал Тынэтэгин. Важно было, что он не чувствовал себя в тундре один на один с пургой. С пургой?.. С какой пургой? Тынэтэгин только сейчас обратил внимание, что и ветер, оказывается, улегся, и снег перестал идти. И вообще стояла необыкновенная, торжественная и чистая тишина. Тынэтэгин вылез из-под кухлянки, поднялся, потянулся и увидел над собой черное, словно прибитое серебряными гвоздями небо. С вершины сопки, на которую они взобрались с таким трудом несколько часов назад, были видны огни его Аянки. Тынэтэгин собрал письма в мешок, раскопал спящих в снегу собачек, толчком вернул на полозья нарты. До Нового года еще оставалось время.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА СЛОВ

<i>Павел Демидов</i>	
Песня Тынэтэгина (рассказ)	2

<i>Лидия Ивченко</i>	
На пути к Богу	21

РАБ СВОБОДЫ – РАБ ИЛИ СВОБОДНЫЙ?

<i>Игумен Варлаам (Борин) – Павел Демидов</i>	
Человеку необходим Внешний Управляющий	8

РОДНЫЕ ПЕНАТЫ

<i>Наталья Прохорова</i>	
Соловушка Беломорья	22

<i>Сергей Комаров</i>	
Человеческой свободе нужен Бог	12

СТРАНА КРАСОК

<i>Александр Меджидов</i>	
Свобода из сказки про Емелю – это не для меня	12

<i>Анна Андреева</i>	
«Вы уж там, пожалуйста, держитесь. Все будет»	24

<i>Лариса Беляева</i>	
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста	14

МИР ВОКРУГ НАС

<i>Марина Захарчук</i>	
«Случай нас выручил? Бог ли помог?» (Н.А. Некрасов)	16

<i>Александр Шпагин</i>	
В поисках отмененного Бога	28

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

<i>Лариса Фабричникова</i>	
Где обретает сердце пищу	18

<i>Ирина Метелицкая</i>	
Тирольская память без срока давности	34

<i>Наталья Прохорова</i>	
...А бесчестье остается	35

<i>Оксана Терещенко – Юлия Камагина</i>	
Умению жить в мире надо учить с детства	38

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: храм Спаса Нерукотворного в Клязьме. Фото Вадима Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.
Выход в свет 15.01.2018
Цена свободная

**Этот номер вышел заботами рабов
Божиих Алексея и Александра.
Храни их Господь**

Приход храма иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине, г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, Московская обл.,
г. Можайск, ул. Мира, 93

Контактный телефон:
+7 (495) 745-84-28
+ 7(49638) 2-06-85

Тираж 1000 экз. Заказ №
© Лампада, 2018

Апостол и евангелист Иоанн Богослов

Иисус сказал: Я есмь путь и истина и жизнь...
...и познаете истину, и истина сделает вас свободными.
(Ин. 14:6; 8:32)

Человеку необходим Внешний Управляющий

– Быть свободным – это хорошо или плохо? Вопрос, мне кажется, не праздный, потому что свобода – это большое обременение. Вы согласны со мной, отец Варлаам?

– Прежде чем сказать, хорошо или плохо быть свободным, надо определиться: *от чего* быть свободным. Скажем, от рабства как социального института... да, собственно, и в личных отношениях... или – свободным от крепостничества. Всё это хорошо. С общечеловеческой точки зрения. Хотя, как известно, для некоторых крестьян отмена крепостного права обернулась трагедией. Были сложившиеся отношения с помещиком, особенно если он вполне человек, были определенные гарантии будущего. И вдруг...

Или быть свободным от необходимости зарабатывать деньги. Это, казалось бы, тоже хорошо. Как много людей живет исключительно материальными заботами, в поте лица своего добывая хлеб! И это, конечно, большая несвобода. Однако есть другая картина. Дети, выросшие в очень обеспеченных семьях, зачастую не так уж счастливы от высокого уровня материального достатка. Ведь задача найти себя, попросту – куда деть себя, у такого свободного от зарабатывания денег встает еще острее. Далеко не все дети обеспеченных родителей могут тратить свое время и силы на созидание, творчество или удовлетворять иные духовные интересы. Порой молодых людей такого толка, их называют «мажорами», заносит в такие дебри свободы, что они уже не рады ничему и не знают, как освободиться от такой «свободы». Так что, думаю, даже в этом смысле действительно оказывается, что свобода – это если не всегда большое, то уж точно не малое обременение.

– Тогда, в связи с этим, такой вопрос. Может, от такой свободы проще избавиться? И проще ли? Иными словами: свобода – это право или обязанность? Или и то и другое?

– Просится на язык расхожая фраза: нет прав без обязанностей. И в большинстве житейских случаев, думается, это так. Вот, например, свобода вы-

Фото Андрея Пеплова

Они стали почти традиционными – беседы главного редактора журнала с игуменом Воскресенского мужского монастыря Ермолинской пустыни Варлаамом (Бориным).

ражения своего мнения в интернете, похоже, не имеет никаких обязанностей. У меня не большой опыт чтения различных комментариев, но когда случится столкнуться, удивляешься не просто раскованности (почему-то здесь не хочется употреблять слово «свобода») пишущих, а самому их желанию что-либо написать. Потому что написать-то большей частью и нечего. Но тем не менее пишут. Здесь свобода выступает вроде бы как право. А вот по части, как и что писать, та же свобода – уже обязанность. Если свобода как право здесь не нуждается в контроле, то свобода как обязанность непременно должна контролироваться. Кем и как? Об обязанности человеку может сказать только его совесть.

– Но это же так неопределенно, так условно...

– Как все, что связано со сферой нравственной. Насколько развита совесть человека, настолько он ощущает и обязанность.

– К вопросу о совести! Говорят, совесть – голос Бога в человеке. Но если, допустим, человеку не дано слышать этот голос или духовный

слух слабо развит, получается, что он более свободен по сравнению с человеком, у которого тонкий слух?

– Если рассматривать свободу как возможность поступать по-своему, то это так. Если каждый человек, находясь в каком-либо социуме, будет жить исходя только из своих личных желаний, ничего хорошего этому социуму ждать не стоит. Не только конфликты неизбежны – такое общество не сможет быть даже мало-мальски устойчивым. Поэтому необходимы общие основания, законы, которых должны придерживаться все. В общественной жизни (в Древнем еще Риме) для этого придумали целую науку – юриспруденцию. Правда, на эти законы сразу «нашлись» другие законы, которые позволили применять первые законы избирательно.

– Выходит, правоприменение без исключений – это миф, химера?

– Таким его сделали, увы, мы, люди. А основополагающие, фундаментальные законы, которыми должен руководствоваться любой человек, даже не надо было придумывать. Это законы духовные, то есть Христовы заповеди.

– Отец Варлаам, вы привели пример того, что свобода может быть одновременно и правом, и обязанностью. Значит ли это, что свобода не бывает абсолютной?

– Да, значит! Если рассматривать общественные отношения. Больше того: я бы сказал, что в этом случае абсолютная свобода – аморальна. Нормально структурированному обществу она просто противопоказана. При стремлении к свободе абсолютной в человеке неизбежно нравственное разложение. Если свобода не выходит за рамки общественных норм, она, вне сомнения, относительна. Все сказанное правомерно при одном условии: если мы подходим с мирскими мерками. В мире горнем всё по-другому.

– В мире горнем, насколько я понимаю, есть место абсолютной свободе. Это – свобода в Боге. А можно ли назвать свободу абсолютной, если носитель ее живет, игнорируя любые ограничения?

– Хороший вопрос, Павел Павлович, к тому же в нем уже есть и ответ. Он в том, что по-настоящему, а в максимальном приближении даже абсолютно, свободным можно быть только и только в Боге. «...Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Все другие свободы, по вашей логике, и я с нею согласен, имеют относительный характер. Или, может быть даже точнее, – частный. Говорят ведь: свобода совести, свобода печати, политические свободы и так далее. Если человек живет игнорируя любые ограничения, то он, в лучшем случае, свободен в каком-то частном виде свободы, но никак не в абсолютном.

– В абсолютном смысле он аморален, и здесь я полностью с вами согласен. Но возможно ли, что служение частной, или относительной, свободе может вывести человека на уровень свободы абсолютной?

– Да. Если он сделает эту частную свободу своим богом (с маленькой буквы). Если человек бьется всю жизнь за какую-нибудь частную свободу, без памятования об абсолютной – свободе в Боге, то есть возводит в своем сознании относительную свободу до уровня абсолютной, то – возвращаясь к теме нашего разговора – он становится рабом... ну если не свободы, за которую он борется, то, несомненно, рабом этой борьбы. «...Кто кем побежден, тот тому и раб» (2 Пет. 2:19). Можно добавить: и чем побежден.

– Увлечение человека чем бы то ни было – это проявление его подневольности или как раз свободное изъятие своих желаний?

– Смотря насколько сильно это увлечение. Оно начинается, конечно, как свободное изъятие. Но если потом человек всю свою жизнь подчиняет этому увлечению, то он становится уже подневольным.

– Тогда вопрос, который я бы назвал прагматичным. Какими качествами должен обладать человек, чтобы оставаться относительно свободным?

– Тогда и у меня вопрос: свободным от чего? От прав или от обязанностей? Если речь идет о первой части вопроса, тут я не советчик. Что же до второй... Наверное, упорство, воля, целеустрем-

ленность... Думаю, с их помощью достигается тот или иной вид свободы.

– А какими качествами должен обладать человек, чтобы быть абсолютно свободным?

– Он должен не только верить в Бога, но стремиться к постоянному богообщению. Если позволите, хотел бы добавить еще несколько слов об относительной свободе.

– Рад услышать, отец Варлаам.

– Свобода одного человека чаще всего, мне кажется, связана с несвободой другого. Наверное, многим приходилось наблюдать такую картину. Ребенок капризничает, ему скучно, он не знает, чем занять себя. Родитель, чтобы не возиться с ребенком, то есть чтобы быть свободным от него, дает ему телефон или планшет, в котором тот находит для себя что-нибудь интересное. Скажем, мультфильм или игру. Так совсем вскоре после начала такого «воспитания», ребенок становится зависимым от своего интереса. Так возникает пристрастие. Ну а «свобода» родителей тоже вскоре становится неразрешимой проблемой – как освободить ребенка от приобретенной им несвободы. От пагубной зависимости.

– А с абсолютной свободой мы вопрос закрыли?

– Ни в коем случае! Я и решил-то на эту беседу с вами потому, что тема свободы мне самому очень интересна. Хочется попытаться разобраться, что то обсудить...

– Да, иногда именно в беседе приходит понимание того, что казалось вроде бы ясным или, напротив, неразрешимым. На что в данном случае я весьма рассчитываю.

– Спасибо. *(Улыбается)*. Так, значит, об абсолютной свободе. Едва ли не важнейший вопрос в жизни человека. И вспоминаются слова Августина Блаженного: «Полюби Бога и делай что хочешь». Наверное, обыденному сознанию может показаться: если ты полюбил Бога, то можешь пускаться во все тяжкие. Бог, мол, простит, раз ты Его любишь. Но это совершенно не так! Если человек по-настоящему сумел полюбить Бога, а не просто представляет, что это удалось ему (или просто утверждает это), то он никогда не захочет делать что-либо противное Богу. Такой человек будет свободен от

греха! Ведь в духовной жизни – а это основа всей жизни вообще – свобода в большей степени связана не с тем, чтобы делать что хочу, а с тем, чтобы не делать того, что не хочу. Как апостол Павел с горечью восклицает: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:19). И далее: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего?.. (Там же 7:24).

– Отец Варлаам! Простите за красоту, но вы как будто полили иссохшую почву моей души. И сразу проросло столько вопросов!.. Какие пути достижения абсолютной свободы вы видите? Как нам полюбить Бога? Только ли исполнять заповеди?

– Последнее и есть самое главное. Последние будут первыми. «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня...» (Ин. 14:21). Но, конечно, мы все хорошо знаем, как непросто – и это мягко сказано! – Христовы заповеди исполнять. Ведь Господь не спасает человека без воли самого человека. А воля-то наша!.. «Душа моя грешная, того ли восхотела еси?».

– Покаянный канон?

– Да. И в этом восклицании слышится вопль всего человечества.

– Вопль о своей несвободе.

– Именно. Потому-то и уходили люди в пустыни, в леса, в непролазные дебри, чтобы обрести свободу.

– Свободу от окружения? От близких? От своих обязанностей, может быть?

– Провоцируете, Павел Павлович? Понимаю вас. Да, такой взгляд имеет право на жизнь. Но это, простите, взгляд поверхностный... Скажите, пожалуйста, как человек с поврежденной природой, опутанный «страстями и похотями» (Гал. 5:24), может быть свободным? Добавим: в падшем мире. Вот люди и уходили от этого мира, чтобы, не рассеиваясь на мирские заботы, предаться одному, главному деланию – очищению сердца от этих самых страстей. Пещера, дупло дерева, почти безводная пустыня становились местом битвы за свободу от «духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12). Эта внешняя несвобода в конечном счете приводила к свободе внутренней, абсолютной. Хотя, думается, далеко не всех. Сколько уходило и сколько смогло выдержать такую мучительную борьбу!..

– **Правомерно ли вспомнить в связи с этим термодинамику? Вы же физик. Никакая система не может усовершенствовать себя сама, изнутри. Без помощи Божией и человек, как бы ни старался, обречен в своих попытках. Так?**

– Еще как так! Законы термодинамики человек всего лишь открыл. Но существовали-то и действовали они всегда, когда люди о них и не подозревали. Человеку без Внешнего Управляющего не обойтись.

– **И современному монашеству?**

– А это неважно: современному, не современному. Суть монашества осталась неизменной. Есть, конечно, некоторые нюансы. Мы, несомненно, не способны на такие подвиги (не говорю обо всех монахах, а только о моем окружении), но и искушения стали более изощренными. Древние отцы говорили, что в последние времена не будет таких подвигов, какие совершали они, но люди будут спасаться скорбями... А скорбей у современного человека, хоть монаха, хоть не монаха... ого-го! Хоть отбавляй!..

– **До чего же много намешано в нас!.. Могут ли сосуществовать в одном человеке рабство и свобода? Они – антиподы?**

– В частном, относительном виде свободы это скорее антиподы. Положим, мне не нравится начальник или сосед по лестничной клетке. Я постоянно думаю о нем, жду от него каких-нибудь пакостей, лелею надежду избавиться от него или даже строю планы, как его изжить и сменить (вот бы!) на хорошего, устраивающего меня. Это, конечно, рабство. И учинил его не начальник, не мой сосед, а я сам. Ну а чтобы избавиться от этого рабства, *освободиться*, надо мне стремиться к свободе абсолютной, ибо в ней нет места страстям. Если продвижение будет успешным, то, смею надеяться, мое «частное» рабство значительно ослабеет.

А если вернуться к вопросу монашества, то, мне кажется, что в монахах как раз должны эти противоположности совмещаться. Рабство внешнее, как я уже говорил, должно приводить в свободу внутренней. Кстати, раннехристианские монахи не были в этом первооткрывателями. Помнится, в моло-

дости я как-то встретил высказывание из Священной книги Тота (это, кажется, египетский памятник литературы) о том, что, прежде чем обрести свободу, человек должен заковать себя в цепи, пройти через рабство (не помню точно эту цитату).

– **Что дает человеку состояние раба Божия, а что – состояние свободы от Бога?**

– Состояние раба Божия дает свободу! А состояние свободы от Бога делает человека рабом – своих или чужих страстей, обстоятельств, демонических сил. Добавлю: и суеверий.

– **Подводя итог: раб Божий – это тот, кто свободен, или, напротив, тот, кто подчинен?**

– Раб Божий свободен! Абсолютно свободен! Подчинив свою несовершенную, замешенную на страстях волю воле Божией, человек становится абсолютно свободным. Его сердце знает, что такое хорошо и что такое плохо, поэтому легко отказывается от злых похотений, если даже они приходят на ум, и так же просто, естественно, как, например, дышит, исполняет добрые дела. В этом и заключается абсолютная свобода.

– **Вы – человек, подлинно живущий в Боге. Дает это вам ощущение, что вы абсолютно свободны? В чем это выражается? Можете ли вы сказать о себе, что абсолютно свободны? Хотя бы иногда?**

– Ваша первая фраза, Павел Павлович, звучит, конечно, очень комплементарно. Но это – идеал, к которому я стремлюсь и надеюсь с помощью Божией когда-нибудь приблизиться. Как всякий человек из плоти и крови, я подвержен разным страстям. Эти проявления, к счастью, не такие буйные, безумные... Помнится, как-то рассказывал я своему давнему товарищу-геологу (мы с ним вместе в Саянах работали; потом я его крестил, а впоследствии, к сожалению, и отпевал) про восемь основных страстей. И когда дошел до печали, он говорит: какая же это страсть?! Да, иногда думают, что страсть – это обязательно буйство, безудержность. Совсем нет. Страсти бывают совсем тихими и внешне незаметными, но так подтачивают дух человека, что он превращается... не буду приводить сравнения, скажу просто: в

их раба. К тому же я никогда не знаю, что в следующий момент мне предстоит делать. Кто ко мне придет, что скажет? Кто позвонит? Приходят с разными вопросами: и болезни, в том числе у коров, и ремонт техники, в том числе тракторов, и дрова, и каменный уголь, и зеленый змей, и разнообразные человеческие желания и помышления. А телефон?! Это уже полная несвобода. Помню, еще протоиерей Александр Шмеман в Дневниках сетовал на эту жуткую несвободу от телефона. Зазвонит – не зазвонит? Не успеешь на чем-то сосредоточиться, тебя звонок отрывает. Тем более сейчас, при мобильной связи. Даже в лесу не спрячешься. Уйдешь без телефона, так тебя на вертолете найдут: не отвечаешь на звонки – значит, что-то случилось... Ладно еще когда по серьезным вопросам звонят, а то ведь частенько просто «давно не слышал», «как дела?»... Хотя, как принято говорить, чисто по-человечески и такие вопросы хорошо понятны. Живые же люди...

А свободным? Да, слава Богу, бываю (*улыбается*). Вот сегодня ночевал у знакомых на Смольной улице. Думаю, раз здесь близко до храма иконы Божией Матери «Знамение», значит, можно встретиться с Павлом Павловичем. Дошел до храма, а он оказался – в Аксиньине. Позвонил. Вы сказали, как пройти до Ховрина. И вот я здесь, в вашем замечательном храме, где мне уже давно хотелось побывать... Несмотря на то что мне еще сегодня надо в Кунцево, обещал отслужить молебен, потом на Юго-Запад забрать машину и переехать в другое место на ночлег (там недалеко, но будет час пик, наверняка пробки), а ощущаю себя свободным. Мне кажется, что наша с вами сегодняшняя встреча произошла по воле Божией. Хотя мне и надо было набрать ваш номер и потом пройти по Фестивальной (в удовольствие, кстати), но в этом даже не было проявления моей воли, то есть насилия над собой. Скорее, проявление моей свободы. И Господь поддержал меня.

– **Мне тоже очень приятно встретиться с вами в нашем храме. Надеюсь, не в последний раз.**

– Бог даст. Будем надеяться.

...Но вообще-то, наверное, мое утверждение о свободе, пусть относи-

тельной, в рамках сегодняшнего дня выглядит сомнительным. Надо туда, надо сюда! Какая же это свобода?! И если я все же ощущаю себя свободным, то это только потому, что нет обычных, повседневных забот, о которых я тут упомянул. Но биться за свободу приходится ежедневно и совершенно в ином плане (разреze) действительности. Если по порядку... Я прошу прощения, что привожу в пример личный опыт (наверное, это не по-монашески, но вопрос о свободе для меня не теоретический)... Свобода, думаю, для каждого человека имеет несколько уровней. Самый очевидный и регулярно нами проживаемый – это уровень наших повседневных обязанностей. В миру это работа, семейные обязанности, да просто приготовить себе поесть. В монастыре это послушания, то есть такие обязанности, которые мы не выбираем. Работу человек может сменить, но уж коли устроился, например, дворником, то он должен двор подметать, а не вести политические дебаты с прохожими. Следующий уровень связан с нашим окружением. Просьбы близких, наши желания сделать для них что-то (или необходимость, положим, кого-то в больнице навестить), наши решения – делать что-либо или не делать, когда, какими затратами (материальными, временными, душевными). Эти уровни относятся к частным видам свободы. И вот самое интересное, что все это можно (и нужно) делать оставаясь внутренне свободным.

– То есть стремясь к свободе абсолютной? Свободе в Боге?

– Совершенно верно!

– А раздвоения личности не будет?

– А мы и так раздвоены! В каждом человеке как минимум два человека: один внешний, другой внутренний... Так вот, внешний человек должен исправно исполнять внешние обязанности, а внутренний – работать Господеви!..

– Молиться? Не заботиться о том, что поесть и во что одеться?

– Да, не заботиться. Кесарево отдавать кесарю, а Божие Богу (см.: Мф. 22:21).

– А Богово в нас – сердце? Сыне, даждь Ми сердце (см.: Притч. 23:26).

– Да. Но тут есть некоторая сложность. Сердце мы чувствуем, в первую очередь, как физиологический орган. Вот, оно здесь, бьется... А сердце в духовной жизни? Как центр личности? Как его восчувствовать?.. Думаю, наше «раздвоение» должно тут нам помогать. Делая внешние дела, мы не должны терять связи с Богом. Это не обязательно (и даже в большей мере) словесное обращение к Богу, это скорее памятование о Боге, хождение перед Его очами. И это – задача нашего внутреннего человека. А как только сознание наше начинает увлекаться внешними делами, думать, как нам «прибавить себе росту хотя на один локоть» (Мф. 6:27), то нужно вернуть свое сознание в сердце, войти внутрь себя. Если это получается, и страсти утихают (они вообще очень поверхностны, даже если нам кажется, что сидят глубоко), и дела сами собою делаются, и... возвращается чувство, что «Господь близ» (Флп. 4:5). И, несмотря на внешние дела, которые делает внешний наш человек, относительно несвободный, наш внутренний человек, оставаясь в общении с Богом, приобщается свободе истинной, абсолютной. «Ибо... Царствие Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21).

– Если еще не надоел, позвольте вопрос, который вызывает, простите за тавтологию, вопросы. В Послании апостола Павла к Филиппийцам (2:7) есть такие слова: «...Уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам...». Возникает вопрос, отец Варлаам: уничтожение Себя до образа раба, подобного человекам, – в чем оно, если Христос так и остался без греха?

– Христос – Богочеловек. В Нем соединились две природы: Божественная и человеческая. Человеческая природа делала Его во всем подобным человекам, за исключением греха. Но как человек Он обладал и человеческой волей, и чувствами, и эмоциональными проявлениями чувств. Он алкал, печалился, плакал (см.: Ин. 11:35), скорбел духом и возмущался (см.: Ин. 11:33). Об этом много размышлял и писал преподобный Максим Исповедник. Поскольку

Иисус Христос – воплощенное Слово, Он не мог грешить. Однако как человек Он столкнулся со всеми тяготами, страданиями человеческого существования, но не поддался им. По Максиму Исповеднику, Христос обладает естественной человеческой волей, но так называемой гномической воли, которая позволяет делать выбор между добром и злом, у Него нет. И вот, Христос свою естественную человеческую волю должен был... подчинить (какое-то не совсем правильное слово)...

– Согласовать?

– Это лучше... с волей Божией. Во время Преображения, когда Моисей и Илия беседовали с Ним «об исходе Его» (Лк. 9:31), Он узнал (уже как человек; как Бог Он это знал еще со «времен» Предвечного Совета), что надлежало Ему «совершить во Иерусалиме». Если попытаться по-человечески представить, что может твориться в душе после получения такой информации, то... наверное, и представить невозможно. Но Христа укрепляла Божественная благодать. Не случайно эти слова Он услышал в момент Преображения! И вот подчинить (все же!) свою человеческую волю воле Божией было главной задачей... огромным трудом, который в Гефсимании сделал «пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Лк. 22:44). Хотя Христос говорил еще раньше в беседе с самарянкой: «...Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4:34), но Крестная смерть и Искушение были тогда еще впереди. И только пройдя через борение, через муки и боль, не только душевную, но и физическую, укрепляемый силою Божией Человек Христос смог выйти на простор и обрести свободу. И не только Сам, но даровал ее и другим! И «...ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная» (Рим. 6:22).

– Эти слова относятся ко всем нам, не так ли?

– Сподобиться бы стать достойными их...

– Не будем терять надежды. Благодарю вас, отец Варлаам!

– Господь посреди нас. Милости Божией вам и вашим близким.

Сергей Комаров

Человеческой свободе нужен Бог

Человек — существо свободное, и его свобода неприкосновенна. Но что такое свобода? Обычно под этим понимают гражданские права: свободу слова, творчества, политических взглядов. Однако разговор о свободе только в категориях права обедняет ее смысл и значение. Понятие свободы не может не включать в себя нравственное измерение.

Кстати, это попытались подчеркнуть составители французской «Декларации прав человека и гражданина» (1789 г.): «Свобода состоит в возможности делать все то, что не вредит другим». Действительно, моя воля не должна приносить ущерб окружающим. Однако фраза «делать все то, что не вредит другим» сама по себе относительна. Ее также необходимо оценивать по нравственным критериям. Что считать полезным для других, а что нет?

Например, гей-парад вреден? По христианским понятиям — да, как и всякая другая пропаганда греха. «Не обманывайтесь: ни блудники... ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники... Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9–10). «Нет, — скажет либеральное секулярное мировоззрение, — здесь нет ничего плохого. Это нормальная манифестация половых предпочтений».

СМИ все чаще рассказывают о детях, желающих сменить пол. Прогрессивная западная общественность в шенячем восторге от этой темы! Деткам строят в школах гендерно нейтральные туалеты; родители гордятся тем, что у них такие свободные и раскрепо-

щенные чада. И пусть только какой-нибудь христианский проповедник публично осудит подобные желания и действия как грех! Рискует оказаться за решеткой.

Могли предвидеть такую «свободу» составители французской Декларации? Сомнительно. Воображения бы не хватило.

Итак, свободе нужны твердые нравственные критерии. Нужен Господь и Его заповеди: иначе вседозволенность убьет нас. Свобода вне религии рушит все нравственные рамки, ломает моральные границы. Она срывает с человека тонкий, хрупкий слой христианской морали и культуры и освобождает в нем некое звероподобное начало. Наша свобода потеряла Бога — отсюда современное признание содомии, страшные кровопролития революций, наводящие ужас зверства разного рода националистов и другие печальные реалии сегодняшней жизни.

* * *

Человеческая воля не может быть нравственно нейтральной. Отказавшись от Бога, она попадает в подчинение греху. Бедный

«свободолюбец», гоняющийся за призраком абсолютного освобождения, со временем делается рабом своей страсти и, по сути, творит себе идола. Ради эфемерной свободы он готов на любые преступления. Объект его поклонения — свобода-оборотень, которая привлекает отменой всех запретов.

Свобода без узды заповедей Божиих неминуемо рождает зло, страдание, порабощение. Вырвавшись из-под контроля личности, она превращается в произвол и ошетинивается звериными страстями. Такая демоническая свобода, выйдя наружу, сшибает всё на своем пьяном пути и грозит тяжкой несвободой окружающим людям, а прежде всего — самому носителю ее. Среди анархии чувств и мыслей рождаются и крепнут страсти, которым и начинает служить его кажущаяся, несостоявшаяся свобода.

Заигрывание с грехом не проходит даром. Если кто заглядывает в пропасть — пропасть заглядывает в него. «...Кто кем побежден, тот тому и раб», — писал апостол Петр (2 Пет. 2:19). «...Когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? [Такие дела], каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть», — говорил римским христианам апостол Павел (Рим. 6:20–21). Там, где правит грех, свободы не существует.

Однажды мы уже беседовали с Александром Меджидовым на страницах «Лампады». Было это вскоре после нашей поездки на Афон. Прошло порядком времени. Захотелось встретиться вновь. На этот раз поговорить о том, насколько свободным чувствует себя человек,

исповедующий православную веру. Но поговорить об этом как бы в отраженном свете. То есть главную тему мы не обсуждали специально, однако она все время была в подтексте. И вот что получилось.

Павел Демидов

Свобода из сказки про Емелю — это не для меня

— Первый и самый главный вопрос: как ты понимаешь свободу?

— Я понимаю свободу как возможность беспрепятственно исповедовать свою веру, в данном случае православие, и жить, точнее стараться жить, как заповедал Христос.

— А теперь, если ты не против, переведем разговор в практический, житейский пласт.

— Я не против. Слушаю тебя.

— Изменилось ли твое отношение к делу, которым ты занимался, после того, как стал верующим человеком? Если изменилось, то в чем это проявлялось?

— У меня появился вопрос, который раньше никогда не возникал: «Зачем зарабатывать деньги?».

— А ответ? Он тоже появился?

— А как же! Я узнал, что их нужно зарабатывать не только для себя и своих близких, но и для других людей — для моих сотрудников и вообще для нуждающихся.

— Стал ли ты более требовательным к себе, более строгим в том, что входит в сферу деловых отношений?

— Более требовательным к себе не стал, так как и раньше с руководителя некому было требовать, а только сам с себя. Сфера

деловых отношений такая же для верующего, как и другие сферы жизни: требовать от себя исполнения заповедей. Может, немножко стал требовательней, а может, и нет, трудно судить самому. А мои подчиненные — это и есть те самые обыкновенные люди, к которым когда-то обращался Господь через пророка Моисея. А требовательность, спрос, обеспечение, контроль, поощрение — все это никто не отменял у руководителя, это его функции. И эти функции не противоречат заповедям.

— Ты, по идее, должен быть темпераментным — как-никак кавказский человек, но производишь впечатление очень сдержанного, уравновешенного. Это так или все же ты — спокойный человек по природе своей? Если верно мое первое предположение (что ты темпераментный) — что помогло тебе стать таким, каков ты сегодня? Сыграла в этом роль вера?

— Я спокойный до определенного момента, а потом темпераментный. А вера учит жить по заповедям и когда уже нет спокойствия, то вспомнить, что ты забыл про Промысл Божий, забыл, что только любовью можно исправить себя, другого, положение и что нужно просить у Бога любви, Духа Святого. Вера — это основа жизни, как она может не сыграть роль?

Для христианства свобода не иллюзорная идея, а внутреннее состояние. Это независимость от страстей и пребывание в любви Божией. Христос связывает свободу с познанием истины: «...познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Истина есть Сам Христос (см.: Ин. 14:6), а познание ее – возрастание в любви ко Христу. Тот, кто любит Христа, свободен во Христе, и другой свободы, вне Бога, не существует.

Нет свободы по ту сторону добра и зла! «...Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). Истинную свободу можно найти лишь в Творце, потому что только Он абсолютно свободен и имеет жизнь в Себе.

* * *

Человеку всегда непросто было носить свободу, подаренную Господом. В самом начале своего бытия люди употребили свободу на то, чтобы... отойти от Бога! Так случилось в райском саду, так было впоследствии не раз в истории.

Например, израильский народ некоторое время существовал как теократическое общество, то есть управлялся Самим Богом. Но вскоре после расселения в земле обетованной евреи потребовали у пророка Самуила поставить им царя «как у прочих народов» (1 Цар. 8:5). Самуил передал это Господу, на что получил ответ: «Послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними...»

(1 Цар. 8:7). Рассказав евреям о правах царя, Самуил закончил речь такими словами: «...и восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (1 Цар. 8:18). Но народ отвечал: «Нет, пусть царь будет над нами...» (1 Цар. 8:19). С этого времени началась более скорбная, нежели счастливая история Израиля и его царей, от правления которых народ не раз восстал.

Исторические события 1-й Книги Царств являются метаисторией о том, как человек утрачивает свободу, данную ему Всевышним, и уходит в дальнюю сторону в поиске других богов. Богодарованная свобода часто переживается нами не как благословение, а как тяжкий крест, который мы пытаемся сбросить при удобном случае.

Казалось бы, мы ведь осознаем, что грех мучает и поработывает нас. Но, понимая это, мы так часто склоняемся ко греху, большему или меньшему... Мы любим свои страсти и ищем какой-то странный суррогат свободы в мире греховной зависимости. Нас интересует свобода грешить!

Парадоксальным образом человек может сочетать в себе и стремление к Богу, и тягу к беззаконию; желание жить в волюнкти и поработности. Любовь к Богу и удобопреклонность ко греху, желание чистоты и зараженность пороком спутаны в нашем сердце в такой узел, какой может быть связан лишь Господом – ибо Он будет судить «помышления и намерения сердечные» (Евр. 4:12). Поэтому даже ангелам Творец

запрещает прежде времени разделять пшеницу и плевелы и приказывает подождать до жатвы Страшного Суда (см.: Мф. 13:30).

* * *

Внутренняя независимость человека проверяется тем, насколько в его жизни возможна аскеза. Воздержание ради Господа позволяет нам решить вопрос: моя свобода состоит в исполнении моих желаний или желаний Бога? Я боготворю свободу саму по себе, доводя ее до абсурда и превращая в мысленного идола, или нахожу истинную свободу в истинно свободном Иисусе?

Аскеза и духовная жизнь – раздолье для настоящего свободолобца. Победить самого себя – это подлинное освобождение. Но оно возможно только с Господом, Который и есть главная цель всех христианских подвигов. И мы никуда не уйдем от уже замеченной нами библейской антиномии: для подлинного освобождения необходимо подчинить свою волю Всевышнему.

Хочешь радикальной свободы? Стань святым! Или, по крайней мере, узнай вкус борьбы за святость. Святость есть полнота свободы в Господе. Святой – значит свободный. К приобретению такой свободы действительно стоит направить свои усилия. Если свободолобец хотя бы краешком стопы встанет на путь достижения этой цели, он превратится в иного человека и на все остальное (в том числе и на гражданские права) будет смотреть уже совсем другими глазами.

– У тебя свой бизнес. Мы знаем, что заниматься предпринимательством у нас не просто. Как тебе удастся находить баланс между нашей реальностью и тем, чему учит нас Христос? Наверное, это получается не всегда, иначе невозможно было бы работать. Как в таких случаях ты поступаешь? Случалось ли тебе казаться, если приходилось нарушать заповеди под давлением обстоятельств?

– Как может не быть причины для покаяния у верующего человека? Заниматься предпринимательством нигде не просто.

Христос учит нас самому реальному в жизни. Он не учит нас ничему, что противоречило бы правилам ведения бизнеса. Разумеется, честного бизнеса. Разве Бог нас учит не работать или не отдавать наши труды в любом виде?

– Не кажется ли тебе, что мы как народ, как общество не выдержали искушений, которые открывают рыночные отношения? В частности, не устояли перед возможностью зарабатывать столько, сколько удастся, не устояли перед алчностью, которая сидит в человеке?

– Если Церковь будет искренне молиться о России, то народ выдержит и искушения рынком, и вообще все испытания. А вот с алчностью каждый сам борется и молится о Божьей помощи в этом. И алчность не зависит от рынка. Алчность была и до рынка в нашей стране, просто ее тогда осуждала пресса, литература, кино, критиковали на собраниях, а сейчас ее пропагандирует реклама, ей кланяются все информационные ресурсы – и то же телевидение, и кино...

– Как ты отнесешься к такой мысли? Как ни парадоксально, но именно советская идеология заложила основы сегодняшнего дикого рынка. Нам на протяжении всей жизни вбивали в

голову, что бизнес – это ужасное порождение капитализма, что бизнесмен – это непременно миллионер или хотя бы очень богатый человек, тогда как бизнесмен – это обычный работяга. И когда у нас легализовалось понятие «бизнес», которое просто заменило слово «работа», «дело», мы его восприняли в прежнем понимании, что бизнес – это обязательно путь к миллионам, а не просто способ существования. Отсюда и пошли эти дикие распилы, откаты и прочее.

– Если у человека нет совести, то его алчность ведет к распилам, откатам и приумножению миллионов. А что такое настоящий бизнес, не знает только тот, кто им не занимался и не читал о нем ничего. И западные книги о бизнесе говорят, что это трудная работа, именно работа. А вот стремление все иметь и чтоб за тебя другие вкалывали, это придумала не советская власть, а русская народная сказка про Емелю.

– Как ты считаешь: возможно ли существовать в условиях рыночных отношений и соблюдать при этом нормы христианской жизни?

– Да, возможно. Рыночные отношения – это товар – деньги – товар. Товар – это работа, а деньгами – подскажет Евангелие, как распоряжаться.

– Спасибо тебе. Наш разговор был кратким, но очень насыщенным. Мы вроде бы не говорили напрямую о теме номера, но в действительности речь шла именно о ней. Твоя вера, я чувствую это, сделала тебя свободным, потому что ты познал Истину. И потому ты не станешь рабом страстей, увлечений, рабом порока. Помоги тебе Господь на этом пути.

– Благодарю тебя!

Скажите, пожалуйста...

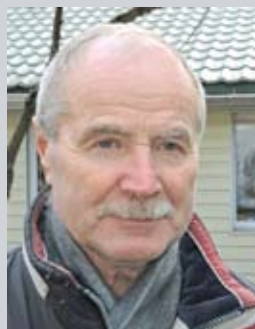

*Вот что ответили
нашему корреспонденту
Ларисе Беляевой
на ее вопросы...*

*Антонина Бережная
певчая*

*Владислав Антонович
пенсионер*

*Татьяна
архитектор*

Вы согласны, что истинно свободный человек – это раб Божий? Если да, обоснуйте свою точку зрения.	Скорее да, чем нет, потому что Господь нам заповедал такие правила, которые абсолютно подходят для человека. То есть именно в этих рамках человек и будет абсолютно свободным.	Да, согласен. Ибо понятие «раб Божий» предполагает свободу от греха, а не для греха. А грешник – это и есть подлинный раб своих грехов.	Да, свободный – это раб Божий, потому что есть только альтернатива: или раб Божий, то есть свободный, или раб греха.
Свобода – это право или обязанность? Если и то и другое, то в чем права, а в чем обязанности?	Это и право, и обязанность, потому что свобода без ограничения – разнузданность и разложение. Чтобы нормально существовать, свобода каким-то образом должна ограничиваться.	Я считаю, что это право наше быть свободным.	И право, и обязанность. Право выбора между Богом и не Богом. А обязанности – это наша свобода, которая заканчивается там, где начинается свобода другого.
Раб Божий – это тот, кто свободен, или тот, кто подчинен?	Раб Божий – это, безусловно, тот, кто свободен.	Повторюсь: раб Божий – это тот, кто свободен.	Раб Божий – это тот, кто свободен в выборе, но подчинен определенным Божественным законам, которым мы должны подчиняться.
Легко ли быть свободным в мирском, а не в религиозном понимании этого слова?	В мирском понимании абсолютно свободным быть невозможно в том плане, что мы живем в государстве и у нас есть определенные ограничения, без которых мы просто не сможем существовать.	Очень сложно.	Я думаю, что никому не легко: ни тем, кто живет без Бога, ни тем, кто живет с Богом. Определенные сложности есть. Я не видела человека, который бы честно сказал, что счастлива всю жизнь.
Считаете ли вы себя свободным человеком? На основании чего?	Скорее нет, чем да, потому что семья, ребенок, родители – все это определенные ограничения.	Нет, не считаю, потому что очень много грехов на мне.	Нет, конечно, не свободна во всем. На основании чего? Потому что сказать, что я свободна от греха, я не могу. Вся жизнь – это некие рамки, и человек не может быть свободным от всего, и от греха тоже.
Что вы сделали бы в первую очередь, если бы вам предоставили полную свободу?	Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Думаю, что мое поведение не поменялось бы, если бы мне дали полную свободу действий. Как было, так бы оставила.	Затрудняюсь ответить, что сделала бы.	Не знаю. Я надеюсь, что у меня не будет полной свободы, потому что мы в своей сути повреждены грехом и, если нам предоставить полную свободу, неизвестно, куда нас поведет.

<u>Александр</u> сотрудник авиакомпании	<u>Оксана</u> домохозяйка	<u>Александр</u> работник банка	<u>Маргарита Борисовна</u> пенсионерка
			
Раб это кто? Это работник, кто знает волю того, кто его нанял. Нас «нанял» Господь, выпустив в этот мир. В этом смысле мы Его рабы. Но в этом же смысле и свободные.	Да, согласна. Как воцерковленный человек, я считаю, что да, раб Божий – это свободный человек.	Да. Свободный – это раб Божий, потому что именно Господь Бог дает нам право выбора.	Можно быть свободным только во Христе и не отходить от заповедей Божьих, от учения Божия, иначе в миру ты будешь обязательно зависим от многих обстоятельств. Так устроен мир.
Свобода – это состояние.	И то, и другое. Право налагает на тебя какие-то обязанности. Первая – уважение прав другого человека. И прежде всего – права на свободу. То же я могу сказать и о своих правах.	Свобода – это и право и обязанность одновременно. Право накладывает обязанности.	Свобода – это право, потому что в обязанность никто не может вменить свободу. Это право каждого человека выбрать, свободен ты или не свободен, во Христе или ты вне Христа.
В принципе я ответил на это в первом вопросе. Могу только повторить.	Тот, кто свободен, но не в смысле свободен от всего – от обязательств, обязанностей, от других людей, а свободен внутри. Это должна быть внутренняя свобода, подчинение воле Божьей.	Это тот, кто свободен.	Раб Божий – это тот, кто свободен.
Богу Божие, а кесарю кесарево.	Если это значит отказаться от близких и родных тебе людей, чтобы тебя ничего не связывало, ты не привязан ни к чему, для нормального человека это невозможно и не нужно.	Свободным можно быть внутри, в душе, а все остальное – это не важное.	В мирском понимании свободным быть невозможно, потому что мы общаемся с таким противоречивым миром, что обязательно будешь зависим от него.
Если говорить о теме номера, то, наверное, да, стараюсь быть свободным от греха. А если говорить в социальном плане, то нет.	Я стремлюсь к внутренней свободе. Стараюсь воспитывать дочь так, чтобы она понимала границы свободы других людей, оставаясь при этом свободной внутренне.	Да. С того времени как я воцерковился и начал ходить в храм, наверное, да, считаю себя свободным человеком.	Я не могу назвать себя свободным человеком, потому что окружающие меня очень сильно на меня действуют и я очень часто поддаюсь на искушения, а это не подобает истинному христианину.
Мне сложно сказать. Я отец, муж... Определенно во все тяжкие не пустился бы.	Выпалась. А так не знаю, что я сделала бы с полной свободой. Может быть, поехала путешествовать.	Не задумывался над этим, поскольку полностью свободным быть невозможно. В первую очередь надо стараться жить по Евангелию, наверное, от этого свобода и произойдет.	Просила бы Господа не лишить меня этой свободы.

Марина Захарчук

«Случай нас выручил? Бог ли помог?» (Н.А. Некрасов)

Так уж вышло, что Борису выпало первым идти на срочную службу. Старшего сына почему-то не призвали сразу после университета, а когда о нем вдруг вспомнили в военкомате, оказалось, что в семье вот-вот должен появиться второй ребенок (в те годы в таких случаях давали отсрочку), а там и возраст призывной вышел. Второй сын с детства мечтал об армии. И когда ему до конца учебы оставалось меньше полугода, заявил родителям о намерении бросить свой медицинский колледж и уйти добровольцем на войну в Чечню. Слава Богу, благословения отца не получил, внял доводам. Однако человек предполагает, а Господь располагает. Едва получив красный диплом, Максим ринулся в военкомат. Там, просмотрев его документы, заявили: «Не морочь нам голову. С твоим зрением ты своих постреляешь. Что смотришь, будто в первый раз слышишь? Астигматизм у тебя». А он и вправду считал себя совершенно здоровым: окулист на медкомиссии почему-то не сказал ему о диагнозе. Так и этот сын получил белый билет. И вот подошла очередь третьего.

Борис тоже призывался после университета. И также, как старший брат, успел жениться. Здоровье не ахти... Но и не настолько плохое, чтоб освободили от призыва. Подобрали ему место службы по специальности, но...

Атеисты сказали бы: его величество случай. А православные знают: ничего не происходит случайно. Главное – не забывать об этом, стараться и в радости, и в неприятности, и даже в горе видеть Божью волю, пусть и непонятную сейчас. Когда-нибудь в будущем откроется. Нужно только верить Богу, как верим мы самым близким и родным людям.

...Он сидел в военкомате и ждал, когда появится «покупатель» – так в шутку называют представителей воинских частей, приезжающих за новобранцами. Он уже точно знал, что вместе с несколькими другими призывниками его отправят в элитную часть. Но приехавший лейтенант отодвигает в сторону папку Бориса. «Вы что, забыли? – говорит он работнику военкомата. – Женатых не берем».

И снова томительное ожидание. И снова повестка: в военкомат с веща-

ми. Куда теперь? Вторые сутки на исходе. Родители ждут у входа. Выводят и увозят одну группу, вторую, третью... Ворота военкомата распахиваются; последние на сегодня новобранцы – Борис впереди всех – радостно бросаются к родным: их оставили служить в родном городе. Борису – радость двойная: и родители хоть и в соседней области живут, но все же недалеко, будут навещать, а жена – и вовсе рядом, хоть каждое воскресенье может приезжать. Лишь бы служил без нареканий.

Так оно и было. Ровно два месяца. И вдруг (этот всегдашний вдруг!) – как в песне: «...звучит другой приказ, и почтальон сойдет с ума, разыскивая нас». И все они, весь местный призыв, уже подпрыгивают на ухабах разбитых дорог и ошарашивают родных эсэмэсками с невиданным-неслыханным доселе наименованием: Богучар. А у Бориса еще и через пару дней годовщина свадьбы, и командир уже пообещал ему увольнительную. Вот так подарочек жене!

Ночью их отправили спать в какую-то казарму, а наутро выяснилось, что жить предстоит в палатках, потому что новая часть – это огромная стройка. И потянулись будни. Степной ветер не прекращался ни на минуту, забивал глаза, нос, рот песком и пылью, а как-то раз, разбушевавшись, сорвал с опор и перевернул одну из палаток. Строительная техника ревела днями и ночами, не давая уснуть. Словом, после двухмесячной службы в образцовой части родного города новое место показалось ребятам воплотившимся в явь страшным сном. Ближе к зиме стало легче: отстроили казармы. А нашего героя быстро забрали на работу в штаб (хотя он предпочел бы остаться с друзьями).

Подступал Новый год, за ним и Рождество. И конечно, на душе у солдата скребли кошки. Впервые в жизни придется встретить праздники не в кругу семьи, не в храме. Но чудо все-таки случилось. Естественно, неожиданное. И к тому же совершенно православное.

Незадолго до праздников Бориса отправили в город за бумагой, карандашами и еще какой-то канцелярской мелочью. Едва он с покупками вышел из магазина, грянул колокольный трезвон.

На площадь из находившегося неподалеку храма стали выходить священнослужители. Опытным глазом церковного пономаря Борис сразу определил епископов, архиепископов и даже двух митрополитов. И конечно же, подошел поближе, тем более что среди выходящих из храма людей были и военнослужашие. Правда, одет он не совсем по уставу: за плечами – любимый синий рюкзачок, наполненный канцтоварами, – единственная домашняя вещьца, своего рода талисман. Сегодня утром он уже нарвался с этим легкомысленным рюкзачком на самого командира полка – жутко строгого человека, который не принимает никаких объяснений. Бориса спасло, что командира отвлек телефонный звонок. «Боец!» – услышал он знакомый голос. «Сейчас припомнит утреннюю встречу», – с грустью подумал Борис. Он поднял взгляд на командира и не поверил глазам: тот смотрел на него и... улыбался! Борис еще не успел ничего подумать, как командир протянул ему большой пакет: «Это вам, боец». И быстро зашагал, догоняя архиереев, священников, военных и гражданских начальников. У всех них в руках были такие же пакеты.

Борис осторожно заглянул внутрь и увидел какую-то коробку, книгу и шоколад. И тут же помчался «домой», в штаб, где ждали его неразобранные бумаги. Только вечером смог как следует рассмотреть содержимое. В пакете оказалась большая икона благообразного старца с золотым надписанием: «Святитель Серафим, архиепископ Богучарский». А книга «Пламень огненный» имела подзаголовок: «Жизнь и наследие архиепископа Серафима (Соболева)». Уже после, когда он сначала расскажет родным по телефону, а затем и отправит им посылкой икону и книгу, все встанет на свои места.

В тот декабрьский день в Богучаре отмечали торжественным богослужением 135-летие со дня рождения владыки Серафима (Соболева). Он долгие годы после вынужденной эмиграции жил в Болгарии в подчинении РПЦЗ (Русская Православная Церковь Заграницей), однако не прекращал молитвенного и личного общения с архиереями Московского Патриархата, а в апреле

1945 года направил только что избранному на должность Предстоятеля РПЦ патриарху Алексию I прошение о принятии в Московский Патриархат. 30 октября 1945 года архиепископ Серафим и семь русских приходов в Болгарии были приняты в Московский Патриархат, а управление приходами поручено владыке Серафиму. Архиепископ к тому времени уже приобрел огромное уважение и доверие не только русскоязычной, но и болгарской паствы и священнослужителей. Он был великим молитвенником, которого Господь отметил даром прозорливости и чудотворений (исцелений безнадежно больных). Поэтому христолюбивые болгары, включая Поместную Болгарскую Церковь, и даже некоторые атеисты считались с мнением русского владыки. А он выступал на различных совещаниях с докладами о новом и старом стиле в Церкви (оставаясь приверженцем последнего), об отношении к Англиканской Церкви и к экуменизму (которое у него было отрицательным), против модернистских тенденций в Болгарской Церкви. Благодаря ему Болгарская Православная Церковь избежала в те годы раскола и обновленчества и осталась верна православию.

За год до кончины владыка Серафим начал готовить своих духовных чад, советуя писать ему письма как живому: «Если я получу милость у Господа, утешу вас и помогу вам».

26 февраля 1950 года, в день Торжества Православия, он отошел в Горня. 1 марта, в соответствии с решением Синода Болгарской Церкви, тело архиепископа Серафима было погребено в крипте Никольского храма, принадлежавшего Московской Патриархии. Вскоре владыка явился во сне одному из священников (архимандриту Александру) и сказал: «Хотя я и умер, но для вас всегда жив буду». А простые люди несли к гробнице архипастыря записки со своими просьбами, опускали их в специальные отверстия и получали помощь еще не прославленного официально святого. Попытка запретить это паломничество привела к массовым протестам.

В 2002 году Болгарская Старостильная Церковь совершила прославление архиепископа Серафима как святителя. В том же году это прославление поддержала РПЦЗ и внесла имя святителя Серафима в свои святцы. А в феврале 2016 года состоялось официальное

прославление архиепископа Серафима (Соболева) в Русской Православной Церкви Московской Патриархии и в Болгарской Православной Церкви.

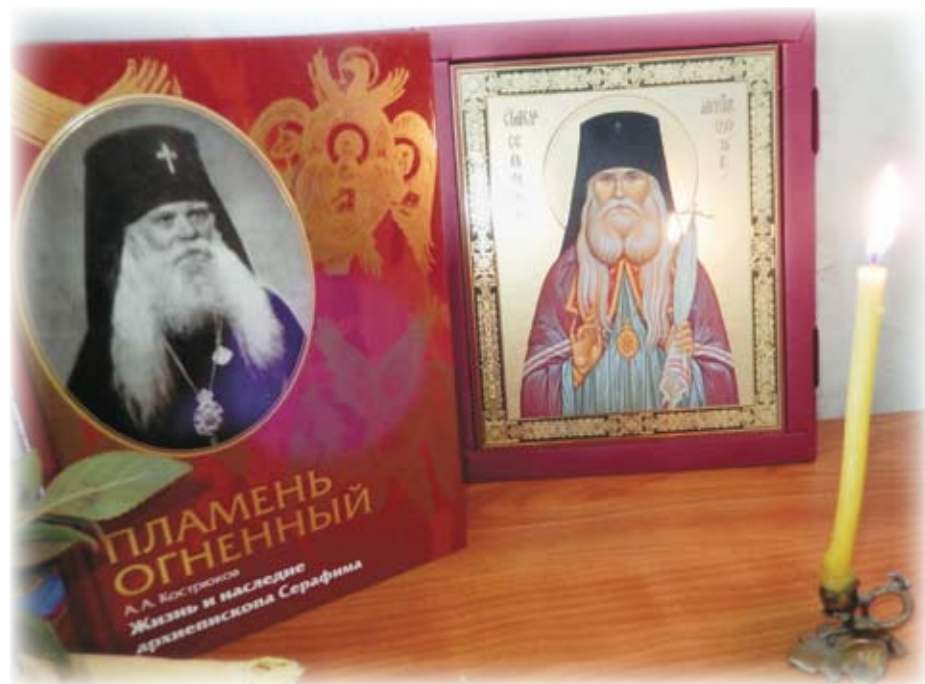
Тут самое время поставить точку. Но внимательный читатель обязательно спросит: а при чем же здесь маленький, затерявшийся на границе Воронежской и Ростовской области городок Богучар? И будет прав. Потому что святитель Серафим никогда в нем не бывал, хотя и носил его титул – епископ, а затем архиепископ Богучарский.

До революции тогда еще архимандрит Серафим был ректором Воронежской семинарии. В 1919 году он покинул Воронеж с отступающими войсками генерала Деникина. В 1920 году ВЦУ (Временное Церковное Управление) приняло решение о возведении архимандрита Серафима в сан епископа, а саму хиротонию намеревалось провести позже, в Полтаве (когда та будет освобождена от большевиков), с наречением во епископа Лубенского (город Полтавской губернии). Однако ввиду ухудшающихся обстоятельств в сан епископа Лубенского его возвел в Симферополе митрополит Антоний (Храповицкий), будущий глава РПЦЗ. Когда, уже из зарубежья, митрополит Антоний смог связаться с патриархом Тихоном и сообщить ему о назначении владыки Серафима управляющим приходами в Болгарии, Святейший Патриарх согласился с назначением, однако изменил титул епископа Серафима на Богучарский.

По человеческому разумению – простая формальность, случай. Вероятно, Святейший (ныне святой!) Патриарх Тихон руководствовался тем соображением, что к Полтаве (Лубнам) владыка Серафим не имеет никакого отношения, а город Богучар принадлежит Воронежской епархии, где архимандрит Серафим занимал должность ректора семинарии. Скорее всего, так оно и было. Но... «Кто верит в случай, тот не верит Богу» – замечательное православное изречение. В свете нынешней политической ситуации на Украине вряд ли там могло состояться торжественное прославление русского святого, твердо защищавшего православие. И уж тем более не состоялось бы празднование 135-летия со дня рождения теперь уже официально прославленного святого с участием болгарских священников и иерархов.

А о том, что святитель Серафим любит и считает своим его титулярный город (официальное церковное название) Богучар, говорит, как мне кажется, маленький эпизод... нет, маленькое чудо Рождественской радости, которое владыка Серафим подарил православному солдату-срочнику, а теперь уже сержанту-дембелю Борису. А ведь это только одно чудо, о котором, волею Божией, стало известно автору этих строк.

Свои вечерние и утренние молитвы теперь я заканчиваю словами: «Святителю отче Серафиме, моли Бога о нас».

Где обретает сердце пищу Лирические заметки по нелирическому поводу

Храм святителя Николая Чудотворца

Храм Рождества Пресвятой Богородицы

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам. <...>
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва...*

Эти строки гениального Александра Сергеевича не могут не вспомниться тому, кто окажется в селе Пажа, на погосте у стен двух старинных храмов. Потомки жителей окрестных деревень, похороненных на здешнем сельском кладбище, объединились вокруг благого дела – восстановления храмов села Пажа Ярославского района. Некоторые из них живут в Тутаеве, Ярославле, Москве, Петербурге, есть и местные жители, у кого-то дома поблизости с Пажей. Люди приезжают сюда, на маленькое тихое кладбище, чтобы привести в порядок могилы предков, помолиться о упокоении усопших и о здравии ныне живущих. У каждой деревни – Горинское, Городищи, Матвеевское, Новлино, Демково, Тенино, Давыдовское, Гридино, Васюково, Трубинское и других – есть свое место на кладбище. И люди приходят сюда помянуть не только своих родственников, но и соседей, друзей, односельчан.

До революции село называлось Богородское. Должно быть, это имя было дано ему, поскольку здесь в 1797 году был построен храм Рождества Пресвятой Богородицы. К сожалению, сейчас он находится в очень тяжелом состоя-

нии. Но даже теперь видно, каким он некогда был величественным. Святыня в руинах, сохранилась лишь одна накренившаяся главка, которая уже лет десять в таком состоянии. Внутри можно увидеть росписи и остатки великолепной лепнины, когда-то украшавшей храм.

Рядом – храм Николая Чудотворца, построенный в 1809 году. Его закрыли незадолго до Великой Отечественной войны, а затем использовали под склад. Сейчас храм восстанавливают всем миром, а возрождение началось в начале 90-х годов прошлого века.

Лидия Николаевна Чикина, родом она из деревни Горинское, Анна Немцева и Варвара Краснова из Новлина обратились за духовным советом к настоятелю Воскресенского собора в Тутаеве протоиерею Николаю Лихоманову (ныне епископ Рыбинский и Даниловский Вениамин). Священник благословил их инициативу, и вскоре в храме начались богослужения – сначала в родительские субботы и по большим церковным праздникам. За эти годы там совершали богослужения священники из Воскресенского собора, а с 2009 года приезжает на Пажу игумен Амвросий (Белов), настоятель храма Архистратига Божия Михаила в селе Савинском Тутаевского района.

На Паже я увидела замечательных, неравнодушных людей, которых сплотила идея возрождения святынь. Недавно мне посчастливилось побывать на литургии в Никольском храме, ко-

торую служил игумен Амвросий. Людей было немного, но ведь с нами молились души усопших, похороненных у стен храма. И было так необычайно легко и светло... А после литургии все собрались на трапезу в доме Ольги и Владимира Мазиных в деревне Демково. За столом говорили о том, что предстоит сделать, что значит для каждого это место – Пажа, вспоминали добрым словом предков, тех, кто стоял у истоков возрождения Никольской церкви.

Удивительно: Владимир Румянцев живет в Москве, но всегда приезжает на службы, которые проходят в храме Николая Чудотворца. Это бывает несколько раз в год. Для него очень важно оказаться в этот момент на своей родине. Это важно и для других людей, которые приезжают в село Пажа Ярославского района из Ярославля, Тутаева.

Дмитрий Павлычев: Для меня Пажа – это история моего рода. Удивительное чувство возникает, когда осознаешь, что в этом храме молились мои прадедушки и прабабушки. Они крестились здесь, венчались. И отпевали их тоже под сводами этого, Никольского храма. Мои предки родом из деревни Городищи. Я помню, как в детстве ходили на кладбище через поле. В Никольской церкви чувствуешь необыкновенную теплоту и уют, все здесь родное и близкое. Чем больше занимаешься восстановлением храма, тем сильнее потребность в молитве, в участии в церковной службе.

После литургии в Никольском храме

Ольга Мазина: Для меня Пажа – это больше чем кладбище, это всё. Здесь похоронены родители моего мужа Владимира и моя мама. Здесь – в храме, на кладбище – чувствуешь духовную связь со своими предками, и эта нить не должна прерываться.

Татьяна Мельникова: Предки по маминой линии родом из Горинского, которое находится поблизости с Пажей. Когда моя тетя Лидия Николаевна начинала работу по восстановлению Никольского храма, я оказывала небольшую помощь. Несколько лет назад Лидия Николаевна ушла из жизни, и я почувствовала, что надо более активно подключаться к этому делу. Чем старше становишься, тем все глубже осознаешь, как это важно – помочь в восстановлении святынь на кладбище, где похоронены предки. В этом деле участвуют мои родители, Николай Федорович и Валентина Николаевна Карповы, сестра Виктория Цветкова и ее муж Сергей. Их стараниями и усилиями был сделан иконостас в Никольском храме, покрыт пол

в алтаре, изготовлена часть церковной утвари.

Каждый из прихожан оказывает посильную помощь. Много лет, к примеру, Валентин и Лидия Чикины из деревни Васюково занимаются уборкой Никольского храма, готовят трапезу. В июле этого года родилось еще одно хорошее начинание – по субботам в храме на Паже прихожане читают акафист святителю Николаю Чудотворцу. Недавно они участвовали в крестном ходе с иконой Всемилоственного Спаса, который проходил в Тутаеве, старинном Романове-Борисоглебске. Весь пятнадцатикилометровый путь Ольга Мазина прошла с металлическим ящичком – собирала средства на восстановление Никольского храма на Паже.

За последнее время сделано немало. 12 сентября 2014 года, в день памяти святого благоверного князя Даниила Московского и святого благоверного князя Александра Невского, был установлен купол с крестом на Никольском храме. Его изготовили Николай Присяжный и его брат Дмитрий

Павлычев. В прошлом году на пожертвования благотворителей и прихожан удалось полностью заменить крышу над алтарем. А этим летом сделана новая кровля над центральной частью храма. Так, по крупицам, восстанавливается святыня. Работы предстоит еще очень много в Никольской церкви, и не только в ней. Взывает о помощи храм Рождества Пресвятой Богородицы. Сейчас он в таком запустении, что больно смотреть. На кровле выросли деревья, их необходимо срочно срубить, чтобы не рухнул свод, надо провести консервационные работы для спасения храма.

28 октября 2017 года, в Дмитриевскую родительскую субботу, в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Пажа состоялся субботник. Дмитрий и Валентина Павлычевы, Владимир и Ольга Мазины, Василий Румянцев, Сергей Чикин, Татьяна Мельникова, чьи предки из окрестных деревень похоронены здесь, пришли в этот день сюда, чтобы хотя бы, для начала, освободить храм от выросших в нем деревьев.

Добровольцы (к счастью, не комсомольцы)

После молитвы, на литии, помянули всех усопших, прочитали акафист святителю Николаю Чудотворцу в зимнем Никольском храме и начали работы в Богородицерождественском храме. За несколько часов короткого осеннего дня удалось сделать с Божией помощью многое – спилены все деревья и кустарники в трапезной части храма. В результате получилась весьма внушительная поленица. Наведен порядок и у Никольской церкви – убран мусор у храма.

А когда уже не работают пилы и затихли людские голоса, снова и снова любишься церквями. Храм Рождества Пресвятой Богородицы даже в таком, полуразрушенном состоянии потрясает своей величественной красотой. Вопреки всем напастям, обрушившимся на него, он мужественно выстоял. Здесь, на Паже, у стен старинных храмов чувствуешь умиротворение и покой. Наслаждаешься тишиной, она необыкновенная, так тихо, что слышишь, как падают снежинки с небес.

Восстановление храмов в этом старинном селе возможно только при поддержке людей, желающих возродить святыни нашей Родины.

Желающие внести свою лепту в возрождение храмов в селе Пажа могут обратиться к Ольге Мазиной по тел. 8-903-824-63-66 и к Дмитрию Павлычеву по тел. 8-960-529-89-60.

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!

Желающие помочь в восстановлении храма Николая Чудотворца в селе Пажа могут оказать посильную помощь и перечислить средства на указанный ниже расчетный счет:

Московский патриархат

Ярославский митрополит Ярославской Православной Церкви

Местная религиозная организация приход Воскресенского собора г. Тутаева Ярославской обл. Рыбинской епархии Русской Православной Церкви
152300, г. Тутаев Ярославской обл., ул. Соборная, 13-А

ИНН 7611005630 КПП 761101001

Расчетный счет 40703810702010000002

Ярославский филиал ПАО Банк «ВВБ»

к/сч 30101810478880000773 БИК 047888773 +

ОКВЭД 91.31 ОГРН 1027600005366 +

Важно! Этот расчетный счет принадлежит Воскресенскому собору в Тутаеве, поэтому при пожертвовании обязательно указывать назначение платежа: **ДЛЯ ПАЖИ**

Инициаторы возрождения святынь надеются, что неравнодушные люди откликнутся и помогут в благом деле.

На пути к Богу

Тогда я работала в очень популярной и, пожалуй, лучшей газете страны, гордилась и дорожила этим. И как у каждого газетчика, случались в творчестве как радости, так и печали. Однажды такая печаль неожиданно переросла в особо черный момент жизни: за принципиальность на меня взъялся редактор отдела, непосредственный начальник. Мы разошлись в оценке моей корреспонденции, привезенной из командировки в отдаленный совхоз, и, получив отказ, я опубликовала материал в другой газете. Редактор разгневался и поставил своей задачей уволить меня во что бы то ни стало. И началось... Меня отстраняли от работы, переводили на нижестоящую должность, срезали зарплату, по заданию начальника искали компромат – все мыслимые и немыслимые поводы и зацепки, главным образом незаконные, шли в ход, каждый день меня ждал очередной сюрприз. И я пала духом: «Бесу душу продала бы, только бы всё это кончилось!» – вырвалось у меня в один из таких дней.

И – о чудо! – все вдруг стало постепенно налаживаться, за меня вступилась профсоюзная организация, замаячила перспектива перейти в другой отдел... Но только за чудом пришел ужас. Я испугалась: мое необдуманное, в сердцах вырвавшееся обещание отдать душу за благополучие, похоже, кого-то заинтересовало!

Не могу сказать, что этот случай подтолкнул меня ближе к Богу. Я была верующей, но, если так можно сказать, пассивной: церковные службы не посещала, отчасти из-за огромной занятости на работе и сложностей быта, отчасти из-за опасений быть замеченной «доброжелателями». В то время проявлять религиозность было, как известно, небезопасно. Мне казалось, что достаточно иметь веру в душе. Но тут был иной случай. В том разброде чувств, в котором я находилась, я понимала, что мне самой, без помощи более опытных и сведущих в вопросах веры людей, не разобраться. И я пошла в ближайшую церковь – храм Воскресения Словущего на улице Неждановой, теперешний Брюсов переулок.

Мне запомнился эпизод из фильма «Не горюй!», где приготовившийся к кончине персонаж спрашивает священника, увидится ли он на том свете со своей покойной дочерью, а священник отвечает: «Там ничего нет». Человек в сане священ-

нослужителя не верил в то, что проповедовал!.. И я, встретившись с настоятелем храма отцом Леонидом Ролдугиным, первым делом ошарашила его: «Вы действительно верите в Бога или просто служите?». После некоторого замешательства отец Леонид подошел к ответу тоже нестандартно: осторожно и деликатно выяснил, не состою ли я на учете у психиатра. Конечно, не состою, заверила я, но в тот момент так и не прониклась глупостью и нелепостью своего вопроса.

В итоге мы плодотворно побеседовали. Я рассказала о своих делах и опасениях, покаялась. Отец Леонид принял во мне живейшее участие. Начал с того, что дал мне Евангелие – для самообразования – и предупредил, что сейчас у меня снова начнется полоса неудач, поскольку я от своего обещания темным силам отрекаюсь. Так оно и вышло. Неприятность началась уже во время чтения святой книги: я, никогда не страдавшая аллергией, во время чтения кашляла и чесалась. Но в конце концов все обошлось.

В дальнейшем было немало зигзагов в моей судьбе. Пришлось однажды более полугода прожить в Южном Йемене, куда был командирован на работу муж. И там меня уважали арабы за то, что на их всегдашний вопрос иноверцам о существовании Аллаха я отвечала утвердительно. И не кривила душой: какая разница, как именуют Единого Бога верующие разных религий? Из этой поездки я привезла отцу Леониду фунт ладана. Надо ли гово-

рить, как он обрадовался подарку, если в те времена церковь получала вместо настоящего ладана отходы парфюмерной промышленности.

А затем я потеряла отца Леонида из виду. В храме Воскресения Словущего он уже не служил. Случайно во время туристской поездки в Иерусалим я узнала от паломников, что протоиерей Леонид Ролдугин теперь настоятель храма Рождества Христова в Измайлове. Но повидаться с ним так и не удалось: как-то неудобно, казалось, без повода отрываться человека от его дел. Хотя очень хотелось. Ведь это он наставил меня на путь истинный. В то время я ходила в храм святых Петра и Павла, что вблизи Комсомольской площади. Там часто беседовала с отцом Георгием, жертвовала нуждающимся прихожанам.

С того случая прошло немало лет. Моя творческая судьба как-то выровнялась, благодаря Господу успешно сложилась не только журналистская карьера, но и писательская – удалось издать семь книг. Свободного времени сейчас больше, и я иногда посещаю службы в храме святителя Николая в Хамовниках. А дома всегда перед сном благодарю Господа за благополучно прожитый день и за все, что Он мне дал. И, помня тот давний эпизод, стоивший столько переживаний, стараюсь быть осмотрительнее с высказываниями и тем более с обещаниями и не позволяю себе падать духом. Никогда.

Лидия Ивченко

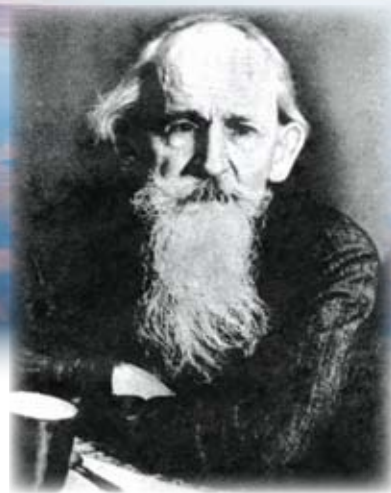
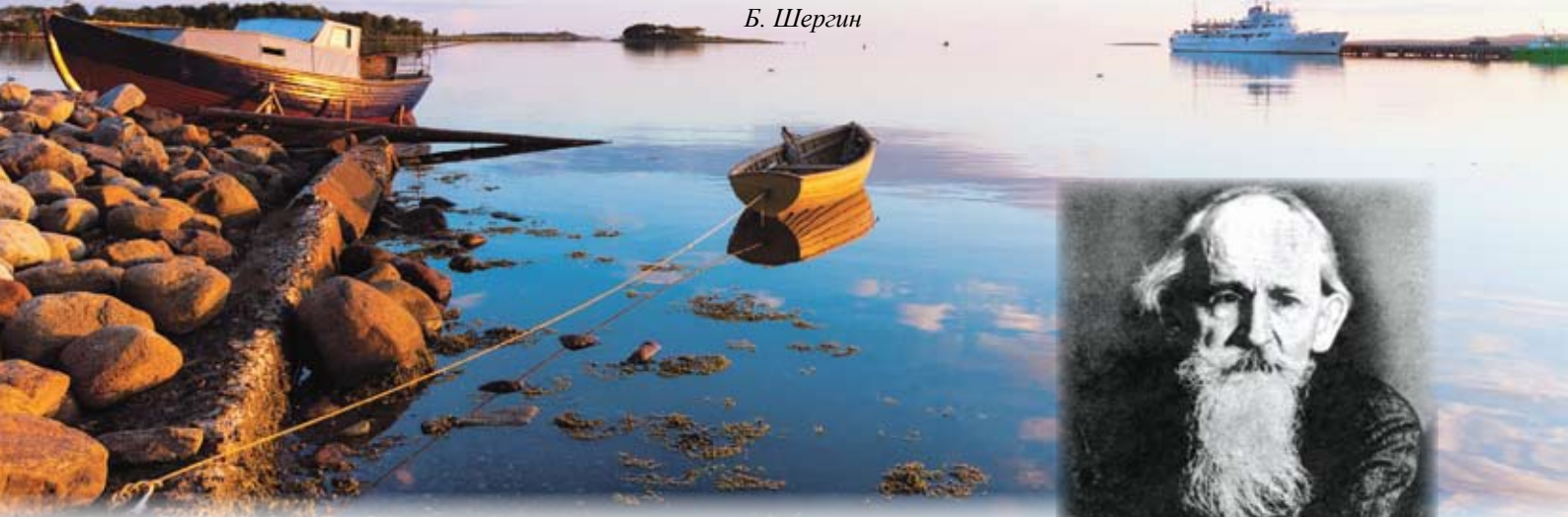
От редакции. Не напечатать это письмо не было никаких оснований: автор откровенно рассказывает о своем промахе и его последствиях, и уже одно это достаточно хорошее научение другим. Больше того: в результате Лидия Ивченко хоть на шаг, но стала ближе к Богу. Она пишет, что ее дальнейшая жизнь сложилась удачно благодаря Господу. То есть она понимает, что без помощи Божией человеку – никуда. К чему, казалось бы, в таком случае редакционный комментарий? А к тому, что автор письма, к сожалению, мало в чем изменил свое отношение к Богу – обращаться к Нему, когда прижмет. Этим, увы, грешат многие. В последнем абзаце письма есть характерная фраза: «Свободного времени сейчас больше, и я иногда посещаю службы...». Здесь ключевое слово – **иногда**. Что оно означает? Иногда – это когда уже и свободное время девать некуда? Или иногда – это если храм подвернется по пути и найдется пять минут, чтобы забежать и поставить свечку? Эти слова ни в коем случае не в упрек автору письма, в конце концов, взаимоотношения с верой – внутреннее дело каждого. Но нам важно, чтобы кто-нибудь, прочитав эти строки, не взял на вооружение подобный факультативный принцип отношений с Богом. Господь – не глава небесного МЧС. Где двое или трое собрались во имя Его, Он всегда посреди них. Но для этого им нужно хотя бы собраться вместе. Где? Только в церкви, где же еще?

Наталья Прохорова

Соловушка Беломорья

Утром открою оконце, и в мой подвал глянет вечное
светлое небо. Открою и страницу Евангелия, отсюда
в убогую мою душу начнет струиться весна вечной
жизни...

Б. Шергин

Однажды рано утром открыла и я книжку повестей и рассказов Бориса Шергина, и мне показалось, что что-то светлое, теплое, близкое вдруг подхватило меня вместе с комнатой и перенесло куда-то далеко-далеко от большого города. И вот я уже в избушке, стоящей на краю леса, а рядом поет соловей.

То, как поют соловьи, ни воспроизвести, ни изобразить словами. Ну как можно передать с помощью букв шелкающие, свистящие, рокошующие звуки, сливающиеся в прекрасную мелодию?

Точно так же невозможно передать певучесть исконно русского языка Бориса Шергина. Кажется, не из слов складывается автор свои сказания, сказки, рассказы, а из драгоценных жемчужин, каждая из которых пропитана дивным светом и молитвенной красотой северного Поморья.

Писатель Борис Шергин родился 28 июля 1893 года в Архангельске в семье потомственного морехода. И мать, и отец его были отменными рассказчиками, поэтому песни и рассказы Севера он впитывал с детства, а уже гимназистом стал коллекционировать народные сказания, былины, песни.

В 1917 году будущий писатель окончил Строгановское художественно-промышленное училище и стал реставратором-иконописцем, не оставляя и своего любимого занятия. Ездил по Архангельской области и даже выступал в Московском университете с исполнением баллад и сказаний.

У Архангельского города, у корабельного пристанища, у лодейного прибежища в досельные годы торговала булками честна вдова Аграфена Ивановна. В летнюю пору судов у пристани – воды не видно; народу по берегам – что ягоды морошки по белому мху; торговок-пирожниц, бражниц, квасниц – будто звезд на небе. И что тут у баб разговору, что балаболу! А честну вдову Аграфену всех слышней. Она со всем рынком зараз говорит и ругается. Аграфена и по-аглички умела любого мистера похвалить и обложить. Горожане дивились на Аграфену:

– Ты, Ивановна, спишь ли когда? Утром рано и вечером поздно одну тебя и слышать. Будто ты колокол соборный.

– Умрем, дак выспимся, – отвечала Аграфена. – Я тружусь, детище свое воспитываю!

Был у Аграфены одинакий сын Иванушко. И его наравне с маткой все знали и все любили. Не только своя Русь, но и гости заморские. Не поспеет норвежское суденышко кинуть якорь, Иванушка является с визитом, спросит: по-здорову ли или? Его угощают солеными «бишками»...

(«Ваня Датский»)

С 1918 года Шергин работал реставратором в Архангельске, стараясь возродить местные народные промыслы. Познакомился с пинежской сказительницей Марьей Дмитриевной Кривополеновой, которая очень обогатила словарь писателя. Не случайно первая публикация

Шергина была посвящена именно Марье Дмитриевне.

В 1919 году, при оккупации Севера войсками Антанты, Шергина направили на принудительные работы, где он потерял правую ногу и пальцы на левой ноге. В 1922 году переехал в Москву и стал работать в Институте детского чтения. Жил он тогда в подвале, очень бедно, в литературную жизнь столицы вписывался не споро. С 1924 года стали выходить его книги. В 30-х годах он уже часто выступает в различных залах, читая как народные сказки, былины, баллады, так и собственные произведения, написанные по впечатлениям детства и юношества, а также рассказов земляков-поморов.

Мы любуемся творчеством деревенских художников, их резьбой по дереву, расписной утварью, но мы мало знаем их быт, условия труда, их самобытную философию. Здесь передаю дословный рассказ пинежской крестьянки Соломиды Ивановны Томиловой, в замужестве Черной. «Наша река Пинега выпала в Северную Двину. Тут леса дремучие, реки быстрые, обрывистые горы – берега. Мы прибежали на Пинегу в те времена, когда татары накладывали на Русь свой хомут, значит, годов семьсот назад. Наши мужья, сыновья уходили на промыслы. Мы,

женки, девицы, сидели в своих деревнях, как приколотены. Я от юности до старости не бывала и в уездном городе. Держали мы коров да овец. Промышляли семгу. Земля у нас нехлебородимая. Когда мужа взяли на первую Отечественную войну, я одна выпала сохой поле, посеяла шесть пудов жита-ячменя. Сочти, каков был участок. Земля не оправдывала себя, а от нее не отвяжешься. Посеемся, всходы зазеленеют, а ночью с моря упадет мороз, значит, своего хлеба не будет...».

(«Соломонида Золотоволосая»)

Во время Великой Отечественной войны инвалид Шергин мог служить Родине только словом. Он обходил московские госпитали, выступая перед раненым со своими сказаниями, былинами, песнями, рассказами. И бойцы забывали об ужасах бомбежки, о смерти, о боли, об окопах и снарядах...

Прежде на Двине, на Пинеге, на Мезени чудо жила: народ смугл, и глазки не такие, как у нас. Мы – новгородцы, у нас волосы как лен белый, тонкий, как сноп желтый.

Мы, еще там живучи, парусов не шили, карбасов не смолили, а чудо знала, что Русь придет: в здешних черных лесах березка явилась белая, как свечка, тонкая.

Вот мы идем по Пинеге в карбасах. Муж в кольчугах, луки тугие, стрелы парённые, а чудо, бажоная, давно ушла. Отступила с оленями, с чумами, в тундру провалилась.

Вот подошли мы под берег, где теперь Карпова гора. Дожжинушка ударил, и тут мы спрятались под берег. А чудские девки, они любопытные. Им охота посмотреть, что за Русь? Похожа ли Русь на людей? Они залезли на рябины и высматривают нас. За дождем они не увидели, что мы под берегом спрятались. Дождь перестал, девки подумали, что Русь мимо пробежала: «Ах мы, дуры, прозевали!». Было утро, и был день. Наши карбасы самосильно причалили к берегу. Старики сказали: «Это наш берег. Здесь сорока кашу варила».

Тут мы стали лес ронить и хоромы ставить.

В эту пору здесь у водяного царя с лешиим царем война была. Водяной царь со дна реки камни хватал и в лешего царя метал. Леший царь елки и сосны из земли с корнем выхватывал и в водяного царя шибал. Мы водяному царю помогали. В благодарность за это водяные царевны не топят ребятишек у нашего берега.

(Из рассказов М.Д. Кривополеновой в пересказе Шергина)

Если задуматься: в чем сила этих сказок и рассказов? Мне кажется, с одной стороны, – в живой русской речи, что слагалась веками. С другой – в их удивительной правдивости. Ведь, по сути, все эти произведения есть образ северного народа. Это собирательный портрет и наших поморских предков, и тех архангелогородцев, что жили по соседству с писателем. Он считал своим долгом гражданина и художника сберечь от губительной поступи «прогресса» северный фольклор, приумножить его и передать потомкам. А вместе с ним – и частичку живой русской самобытности. Автор понимал, что осуществить это можно только оставаясь рядом с народом.

Народный быт, предельно простой и в то же время чрезвычайно многообразный, – вот что показывает Шергин в своем творчестве. Эта правда жизни, увиденная им еще в детстве и берегаемая всю жизнь, и есть настоящая сила его художественных произведений. Именно эта бытовая лирика и создает в книгах Бориса Викторовича ту прекрасную мелодию, красоту которой можно сравнить лишь с пением соловушки ранним летним утром.

После войны, во время ленинградского дела Ахматовой – Зощенко, обвинили и Бориса Викторовича. В несовременности, в порче русского языка, в анахронизме. Двери издательства перед ним закрылись, друзья отвернулись. Он жил в нищете – безногий инвалид, к тому времени еще и почти ослепший.

Он писал в своем дневнике:

Обтрепались, обносились... Война кончилась, будет ли какая ослаба? Газетёнушку – ту нюхают, да трут, да копают, выжать-то надёжу какую поскорее тиснят.

Я так уж себя и считаю юродом, бездельником: не у чего-де живу, ветры ловлю, за тенью бегаю. Сверстники – те – председатель, при академии, с орденном, дачу и машину имеют; мимо проедет, грязью оконце мое обдаст, не увижу я ни облачка, ни соседнего забора... Что же, неужели в самом деле смолоду-то надо было не лазури небесные согладать, а, что собаке-ищейке, носом в землю практически обеспечивающие дорожки вынюхивать? Бежать по следу такого хозяина, у которого кока с соком запасена...

Ложью век пройдешь, да назад воротишься. Умирать все будем. Тошно будет при смертном-то часе. Для чего-де жил? Исполнил ли то, что тебе задано

было в жизни? О чем сердце смолоду горело, к чему живая душа твоя рвалась, то куда ты дел? Вот что при конце-то жизни совесть спросит...

Кто знает, прошел бы свой путь до конца Борис Викторович, если бы не полагался во всем на православную веру. Вера в Господа и в помощь Пресвятой Богородицы, ангелов и святых подвижников – вот что укрепляло писателя и помогало ему. Пронес он свою веру и через лихие годы гонений, и через лишения, и через нищету и болезни. А она только крепче у него становилась.

Лишь в конце 1950-х годов писателю удалось вновь издаваться. Этому помог творческий вечер в Центральном доме литераторов, после которого в издательстве «Детская литература» вышел в 1957 году сборник «Поморские были и сказания», а через некоторое время и «взрослый» сборник избранных произведений «Океан – море русское». Книга вызвала немало восторженных отзывов.

В конце 1970-х и начале 1980-х книги Шергина издавались и в столице, и в Архангельске, между прочим, довольно часто большими тиражами. Умер он в Москве 30 октября 1973 года.

*А и все на пиру пьяны-веселы,
А и все на пиру стали хвастати.
Толстобрюхие бояре родом-племнем,
Кособрюхие дьяки большой грамотой,
Корабельщики хвалились дальним*

плаваньем,

*Промысловицки-поморы добрым
мастерством,*

*Что во матушке, во тихой во Двинской
губе,
Во богатой, во широкой Низовской земле
Низовицане-ти, устьяне промысловые,
Мастерят-снастят суда – лодьи*

торговые,

*Нагружают их товарами меновными
(А которые товары в Датской надобны),
Отпускают же лодьи-те за сине море,
Во широкое студеное раздольице.*

(Былина из сказания «Двинская земля»)

В 2004 году Николай Коняев писал, что, читая произведения Шергина, «принимаешь, что на бреге пресветлого Гандвика, родимого моря Бориса Викторовича Шергина, а не у подвального окошка московского жилища, и рождались чудесные сказы писателя, те самые истории, что омывали и всегда будут омывать живую водою души русских людей». Соловушка не стало, но песни его живут и будут жить, наполняя своими трелями просторы нашей родной земли.

Анна Андреева

«Вы уж там, пожалуйста, держитесь. Все будет»

Ирина Горностаева. Игумен Рафаил

Отец Рафаил¹ подарил свои картины городу Угличу, все они выставлены в галерее современного православного искусства. Галерея расположена в двухэтажном домике недалеко от кремля. Здание на 70 процентов отремонтировалось на средства художника. Отец Рафаил говорит, что искусство не бывает современным или несовременным, оно не бывает православным или не православным – оно бывает хорошим или плохим. Выставка буквально наполнена светом – это от картин идет, брызжет какой-то неземной свет.

На первом этаже выставлены ранние работы. Портрет Высоцкого. Он сделан с фотографии незадолго до смерти поэта. Художник очень уважительно относится к его личности. Посмотрев фильм «Высоцкий. Спасибо, что живой», отец Рафаил сказал, что это предательство близких – вот так обнажить все, что обычно не говорится вслух, без какой-либо попытки разобраться, что происходило у человека внутри. Понимала это только мать Высоцкого. Она сказала тогда отцу Рафаилу: «Я благодарю вас, что вы увидели в моем сыне не актера,

не поэта, не певца – человека». Очень хрупкого человека, глубоко вросшего в русскую землю; вне всякого сомнения, имеющего талант, но не имеющего основы, на которую он должен был опереться. Трагедия личности. Всех интересует грязное белье, никому не интересно, какая борьба происходит внутри человека. Гениальность, талант – это дар, с которым еще и справиться надо. Это как раз понял в нем художник Симаков. У Высоцкого, к сожалению, не получилось найти основы, которая помогла бы ему справиться со всем буйством, что происходило внутри.

Настраиивает на размышления, казалось бы, незамысловатый сюжет, изображенный на картине «Русский быт».

У многих это полотно вызывает недоумение. Как же так? В русской крестьянской избе всегда так чисто, несмотря на то, что рядом двор. Все очень ухожено. И печечка всегда побелена на Пасху, и занавесочки на ней всегда чистенькие и отглаженные. А тут что изображено?! Все разбросано, раскидано... Что это еще за «русский быт»? Но мне очень понятно, что хотел сказать художник, мне это очень близко. Картина отражает внутреннюю организацию творческого человека. Творческим людям нельзя прибраться на столе, нельзя поставить все книжечки по полочкам. Все раскидано, там Машка какая-то пробежала – паучок... Для кого-то это беспорядок, грязь, а между прочим, эта Машка – соавтор, если хотите. Нельзя все убрать, прибрать – это создает быт творческой личности. Любая попытка все разгладить, упорядочить лишает естественности. Все становится неживым. Смотрим у некоторых: все разложено по полочкам красиво, но видно, что это никто не читает, видно, что это никто никогда не трогает. Это все мертвая жизнь, неестественная. В одной из проповедей отец

¹ Очерк об игумене Рафаиле (Симакове) был опубликован в предыдущем, шестом, номере «Лампады» за 2017 год. Сегодня – рассказ о художнике отце Рафаиле.

Рафаил сказал: «Вот мы видим человека с морщинками, особенностями мимики и можем уже об этом человеке сказать, что, например, он часто улыбается, если морщинки у глаз. У добрых в одном месте морщинки, у злых – в другом. И только когда человек умирает, у него все разглаживается, ни одной морщинки не увидите. Все идеально ровно бывает только у трупа – все разгладилось, глазки уже не шурятся, носик не морщится... Все ровненько, гладенько, любо-дорого посмотреть. Но жизни в этом нет». Вот и получается, что не неряшливый русский быт хотел изобразить

Дерево жизни. Часть триптиха «Утро славян»

художник, а хотел показать, что в этом движении и есть настоящая жизнь.

Картину «Утро славян» художник написал уже после своего крещения. Он много рассуждал на тему язычества, подчеркивал, что язычество само по себе не аморально. Как мы привыкли слышать: вот, славяне были язычниками – были плохими, стали христианами – сделались хорошими. А художник говорит, что у русских всегда было самое главное – чистое сердце. Вот эти язычники, разбойники, блудники – они Христа приняли, поверили Ему без всяких доказательств. А те, кто считали себя истинно знающими, религиозными, что они с Христом сделали? Акцент картины – девушка сидит на краю пропасти. Потрясающий образ. Во-первых, за нее страшно: одно неосторожное движение – и она полетит в никуда. Во-вторых, она не раздражает, она на глаза не лезет, она никому ничего не доказывает – она такая, какая есть. Умилительно на нее смотреть. Это образ русской души. С этой душой в море житейском много чего может происходить: и бури и ужасы, и искушения, и даже аморальные поступки. С душой может многое произойти, ее могут обнажить до неприличия, как показано в следующем сюжете этой картины. Но посмотрите при этом на ее глаза: она не стала хуже,

она не перестала быть христианкой. У русских можно отнять все: и жизнь, и родину, и семью. Но душу отнять нельзя. Душа может потерять свой образ только по воле самого человека.

Аника-воин. Непобедимый. На картине он показан задавленным своим конем, который спотыкается о камень Алатырь – и седок летит ему под копыта. О каком покорении мира можно говорить, если ты с собственной лошадью справиться не можешь? Алатырь-камень в историю вошел как символ камня преткновения для гордых. Гордость – страшный грех, хотя многие его грехом не считают. Когда гордость придавливает человека, вот тогда можно добровольно потерять душу.

Следующая картина. Князь Игорь собрал дань с древлян и поехал домой, но с полдороги вернулся назад взять еще, за что и поплатился. Князя, привязав к двум деревьям, разорвали. Он был наказан за жадность. В русской поговорке говорится так: «Желай всего в меру – будешь иметь всего вдоволь. Попросишь много – потеряешь все!». В верхней части картины изображена рыба – символ христианства. Это было сделано художником сознательно, чтобы подчеркнуть христианский смысл изображенного на картине, так как в конце 1970-х нельзя

Владимиру Семеновичу Высоцкому

было нарисовать православный крест, святого, Богородицу или Самого Иисуса Христа. Эту картину никто никогда бы не увидел. Кстати, рыба часто используется в его ранних работах. Она как бы переплывает из картины в картину, причем разная: речная, морская, вяленая – разная, а символ один – христианство. Все, кто мог понимать смысл, понимали. Медальончик во рту у рыбы – символ драгоценности, ценности. Жизнь у нас одна, и это такая ценность, которую мы права не имеем абы на что растратывать, потому что другой жизни у нас не будет. Это не черновик, который можно набело переписать и все поправить.

Вопросы: какие же они, эти русские, чем отличаются от других и почему умом Россию не понять? – также волнуют художника, и ответ на них он ищет в первоисточниках – житиях святых. Эти поиски отразились в его творчестве. Не мог отец Рафаил не написать картину, посвященную Киево-Печерской лавре. По сути, это первая монашеская обитель на Святой Руси. В Киево-Печерском монастыре в XI веке принимает постриг некий молодой человек – монах Леонтий. И сразу отправляется в город Ростов Великий, чтобы утверждать там православие. Это было дело нелегкое, Русь не так давно крестилась. Жители Ростова поклялись

Святитель Леонтий Ростовский

Святой Корнилий, игумен Псково-Печерский

за языческие верования насмерть стоять. И в этом тоже русский человек – в своей искренности. Как же всем показать, что христианство и есть Истина? Только личным примером. Бог есть любовь, и христианство есть любовь. И вот эту любовь люди в нем и почувствовали. Христианская любовь долготерпит, все

прощает, никогда не проходит и ничего не требует взамен. Пример христианской любви – это пример любви матери к своему ребенку, Творца к своему творению. Вот что ростовчане нашли, чего не было в их верованиях.

За 70 лет жизни Леонтия в Ростове город из языческого стал православным.

И неважно, сколько конкретно крестилось тогда в Ростове. Дух народа уже поменялся под действием любви – единственного оружия, которое побеждает всё и против которого нет никакого приема. В Византии православных было четыре процента, и этого хватило, чтобы она стала Первым Римом. Леонтий принял мученическую смерть. У истоков стоял один человек, одна личность. Историю творят личности. У преподобного Сергия Радонежского было большое количество учеников, даже есть такое понятие, как «феномен Волжского старца». Преподобный в лес ушел, чтобы молиться в уединении. Но не получилось – вокруг него собрались монахи, монастырь выстроили, люди приехали семьями, целый город вокруг монастыря выстроили – Сергиев-Посад. Кирилл Белозерский пришел на север – вырос там Кирилло-Белозерский монастырь, а затем и город Кириллов. Его спутник Ферапонт впоследствии основал неподалеку Ферапонтов монастырь. Русский человек всегда стремился к чистоте и святине.

Несколько картин отца Рафаила мироточили – «Кирилл Белозерский», «Антоний Римлянин». Картина «Соловецкие святые» стала последней написанной художником Симаковым и последней его картиной, что мироточила. В 1991 году он стал священником и больше не создал ни одной светской работы – только иконы. Соловецкий монастырь. СЛОН – Соловецкий Лагерь Особого Назначения. Там в 20–40-х годах XX века уничтожали лучших людей страны. Борис Ширяев написал книгу «Неугасимая лампада» об этом периоде своей жизни. Ему заменили смертную казнь десятью годами Соловков. Писатель тогда сказал своему другу художнику Михаилу Нестерову: «Мне заменили быструю смерть на медленную». А тот ему: «Я так рад за тебя. Не бойся Соловков. Там Христос близко». В аннотации к его книге есть следующие строки: «Не лагерные ужасы описывает соловецкий узник, не зверства начальников над заключенными – это все отодвинуто на второй план и как бы приглушено, на переднем же проявляются утешение и спасительные “жемчужины духа”, не дающие человеку потерять дарованный ему Господом облик». Почему люди вспоминают самые страшные гонения как лучшие годы своей жизни?

Храм Михаила Архангела, что в бору

Вспомнилась небольшая притча. Человеку снится сон. Идет он по пустыне, и на песке остаются две пары следов: его следы, а рядом – следы Господа. Вдруг человек замечает, что потянулась только одна цепочка следов. И это было самое трудное время в его жизни. Человек заплакал: «Господи, почему Ты оставил меня тогда, когда Ты мне нужнее всего?». И получает ответ: «Тогда, когда тебе было труднее всего и ты видел одну пару следов, это Я нес тебя на руках, потому что сам ты идти не мог...». Когда с нами происходят какие-то страшные ситуации, мы начинаем жить как будто на автомате, мы даже не понимаем, что происходит. Мы делаем что-то, мы как-то живем. Проходит какое-то время, и мы вдруг начинаем осознавать – и не понимаем, как мы могли все это пережить. Это как раз тот самый момент, когда Бог снял нас с рук и сказал: «Теперь ты можешь идти дальше. Самое трудное время ты уже пережил, и Я был рядом с тобой». Невозможно пройти жизнь без тягот и испытаний, нужно с достоинством эти тяготы переносить и понимать, что все возможно пережить, но только с Богом.

Церковь царевича Димитрия на Крови. Алтарная апсида, место убийства царевича

Огромная картина – портрет самого батюшки. Написала его ученица отца Рафаила, ярославская художница. У каждого в жизни есть учитель, духовный наставник, иными словами, тот человек, перед которым вы себя чувствуете по-особому. Кто угодно может сказать вам что угодно, вы готовы оказаться в неловкой ситуации перед всеми, но только не перед этим человеком. И вот духовное чадо пишет своего духовного отца, художника с мировым именем, гениального человека... Представляю, как у нее руки тряслись. Ей удалось показать самую главную черту батюшки – любовь. Вот в чем гениальность этой картины. Он сидит в своей комнате, «кельюшке», как он ее называет, где все лежит как лежит: так бывает у творческого человека – ничего передвинуть нельзя... А в глазах такая любовь, такое тепло исходит от него: «Держись, все будет хорошо». Вообще, коронная фраза отца Рафаила: «Ну, вы уж там, пожалуйста, держитесь. Все будет». – «Батюшка, а как будет-то?» – «Как Бог даст, так и будет». Отец Рафаил. На портрете ему 50 с небольшим, а кажется, что как минимум 70. Древний, мудрый старец. Тогда, три года назад,

ему исполнилось 65 лет. Волосы стали еще белее, а глаза еще добрее и мудрее.

Как-то меня поразил ответ учителя воскресной школы на вопрос ребенка, когда будет конец света: «В мире существуют весы – зло и добро. Каждую секунду на эти весы падают поступки, мысли, действия, желания людей. Хорошие и плохие. Чтобы мир существовал так, как существует сейчас, эти весы должны быть в равновесии. Каждый человек выбирает тот или иной поступок свободно. Если меня обидели и я вынашиваю планы мести, то это падает на чашу зла. И если в ту же самую секунду никто не совершит доброго поступка, то весы перевернутся, и вот в эту-то секунду и случится конец света. Пророчество когда-нибудь исполнится, но нам не дано знать – когда. И потому наш поступок может оказаться решающим. Мы не можем позволить себе поступить плохо, потому что в эту секунду никто на земле может не захотеть поступить хорошо и равновесие нарушится. Вот почему важно бывает подавить в себе зло и обиду. Всегда помните об этом». Вся жизнь отца Рафаила – это такой же ответ на вопрос школьника. Согласитесь, это важно не только детям.

В поисках отмененного Бога

Религиозная тема в кинематографе советской поры

В советском пространстве Бог был отменен. Отменили Его, как известно, сразу же во время революции, а далее, как и все отмененное в те годы, стали уничтожать. Норма была заменена ее отсутствием. Верх и Низ поменялись местами. Место интеллигенции (мозга общества) занял народ, индивидуальное сознание сметено массовым, а место Бога занял известно кто. Тот, кто всегда возникает на месте осуществленных утопий, — дьявол. Искусством упоенно завладевают слуги дьявола — демоны и бесы. Особенно активно они орудуют в кинематографе — да и понятно: он теперь, по Ленину, важнейшее из искусств.

Дорогу в мир им открывает не кто иной, как дорогой наш Сергей Михайлович Эйзенштейн. Вот они уже понеслись в самых разных обличьях, играя и подмигивая, в его первой — и воистину новаторской — ленте «Стачка» (кстати, ее правильное название — «К диктатуре. Часть I «Стачка»». Правда, второй не последовало). Но там еще ладно, там просто открытие стиля — революционно-экспрессионистического гротеска. Там лишь «врата отверзлись» и хлынули в мир, будто сорвавшись с полотна Гойи, уроды самых разных мастей. Автор просто упоен ими, он наслаждается свободной игрой с бесами и точнее всех улавливает общественную метафизику, дику ontology «времени пустого неба» (Э. Радзинский). У Эйзенштейна в «Стачке» отвратительны все — не только утонувшие в жире бесформенные капиталисты, не только всюду снующие шпики с кличками Лиса, Шакал, Гиена и т. д., не только живущие в бочках вонючие представители шпаны, но и грязные, быдловатые, тупые, озлобленные рабочие. Заседание стачечного комитета они проводят на корточках у «очек» в заплыванном сортире, а освободившееся в результате забастовки время заполняют спячкой или пьянством.

Уроды-то все, да вот только непонятно, в чем смысл столь мерзопакостного взгляда на мир, зачем возникает сие острое и сверхгротесковое остраение. Иными словами, что режиссер нам сказать-то хочет? А он и сам не знает и потому всё происходящее на экране приводит к плакату: царская власть победила, всех стачечников порасстреляла, а их ребенков зачем-то посбрасывала с крыш и балконов. То есть из всех вариантов возникающего на экране зла проявила себя максимально злодейски.

И это уже будет код. Код будущего искусства. Код дьявола. Гласящий: какая бы сложность или неоднозначность на экране не возникала, победит тупость, победит плакат. А в основе — уже четко сложившийся миф, главное оружие дьявола. Задача его несложна — показать, как всё было ужасно при царском режиме и как всё прекрасно сегодня. Или хотя бы просто воплотить на экране ужас прошлой жизни.

И понеслось! И понеслось! Тем более что наш кинематографический лидер создал уже не бесформенный гротеск, а идеальную матрицу — «Броненосец «Потемкин»». Там всё сложилось как по маслу: чудовищные угнетатели, мстятые угнетенные, но главное — у угнетателей личностное начало присутствует, но оно мерзко, а у угнетенных никакой индивидуальности нет — это просто восставшая масса, которая всегда права. И в качестве бонуса — любимые Эйзенштейном жестокости, среди которых самая сладкая — убийство угнетателями ребенков. Никакого смысла в этом, как и в знаменитом расстреле властями мирной толпы на одесской лестнице, нет: так надо. Надо, чтобы власти выглядели чудовищнее, чем убивающие их угнетенные массы. В общем, не просто пир ада, но еще и в рамках четкого однозначного плаката. В рамках надежно созданной матрицы.

Все эти «дети Эйзенштейна», эти лидеры кинематографа 20-х будут долго пинать уже никому не нужный и никого не интересующий в 20-е труп «мертвого льва» — царизма.

Иначе же вообще непонятно, о чем снимать. Нет, конечно, есть на свете несчастные бытовики во главе с Я. Протазановым, ну так их за подобное мелкотемье и бьют в прессе на каждом шагу! Нет, нам надо выработать приоритетное направление, найти точку опоры.

В нормальном мире точка опоры — это Бог. Но здесь все иначе: Бог низложен вместе с царизмом, а значит, точка опоры — дьявол, точка опоры — ад. Подчеркиваем: дьявол здесь именно опора. На него усиленно напавляют не идущие ему одежды Бога — Духовного Центра бытия, а они с него слетают. Посему чаще всего в так называемых великих фильмах 20-х мы видим тяжелую нечленораздельную кашу из различных жестокостей («Арсенал» А. Довженко) или из банальных иллюстраций к истории революции, но выполненных так, что наблюдать их максимально неприятно («Октябрь», «Конец Санкт-Петербурга»).

Бедному народу пришлось оттягиваться на единственном социально близком ему фильме «Путевка в жизнь» Н. Экка. Выполнен он был столь же вздрюченно и взнервленно, как и остальные фильмы эпохи, впечатление производил тяжеловатое, но там хоть бандиты появлялись, какая-никакая уголовная романтика возникала, родной русский шансон — было на что посмотреть!

А со всем остальным — беда. Демоны носятся — вот уже и Протазанов сдался и им присягнул в фильме начала 30-х «Томми», а вот и тяготеющий к американской коммерческой стилистике Л. Кулешов, чуть было не выгнанный из кино, «одумался» в фильме «Горизонт». Однако

воз-то оставался на месте! Кинематограф начала 30-х стал напоминать тяжелую, однообразную, заезженную пластинку, раздираемую иглой, прыгающей на одном месте. Зритель дружно покидал залы важнейшего из искусств.

Киношники чувствовали неладное. И занялись поисками... да нет, не Бога, но... как бы это сказать... нового духовного начала, иначе – новых богов. Первую попытку предприняли сценарист А. Ржешевский и режиссер В. Пудовкин в фильме «Рассказ о простом случае». Его сценарий открывался фразой: «Необыкновенный человек идет по необыкновенной земле». А шагал по ней простой советский большевик, которого авторы сознательно заявляли как человека необыкновенного, как титана. Под давлением житейской суеты сей титан должен был сойти со своего прямого и освещенного (скорее даже освященного) подвигами пути и свернуть «налево», то есть изменить жене.

Для понимания, что речь идет о людях необычных, о новых людях, фильм перемежался разными странными сюрными кадрами – и зерна в нем прорастали растениями, и водные хляби разверзались, и взрывы взрывались... А сцены Гражданской войны как главного первомифа новой большевистской эры все оное состояние закрепляли. Друзья-большевики героя не понимают, как такое могло с ним произойти и оберегают его от «левого уклона», увещевают наподобие неких волхвов или добрых духов – призывают вернуться в прежнее, «божественное» состояние. Он и возвращается. Титан не должен никуда уклоняться, он должен идти по раз и навсегда предписанному правильному пути.

Образы в этом истерически аттракционном фильме Пудовкина оказались не прямолинейно-плакатными, как в других, а скорее нарочито условными, впрямую с сюжетом не связанными, а апеллирующими к подсознанию зрителя. Вся рваная, а порой и нарочито маловнятная конструкция ленты отдавала легким безумием, а сам сюжет прорастал постепенно, как на

кальке, превращаясь на экране в подобие сна. Внутренний конфликт героя с самим собой готов был уже стать чуть ли не экзистенциальным, если бы не нарочитая грубость экранных образов: они давили на тебя, вбивались в зрителя, как гвоздь. Да и героя-то как такового не существовало, вместо него был скорее символ необыкновенного человека.

Конечно же, вся аудитория фильма пребывала в полной растерянности от творящегося на экране аттракционного кружения. И в этом, как ни странно, абсолютно точно было передано не столько состояние героя, сколько состояние общества.

Попытку сформировать некую квазирелигию нового мира предпринимает также Ю. Олеша и А. Роом в «Строгом юноше». Советская реальность представлена в нем как аналог античного мифа, населенного новыми богами – молодыми спортсменами и комсомольцами – и богами старыми – учеными и врачами. Посреди них живет никому не нужный трикстер-шут – это приживал у старого профессора. Он всем говорит гадости, ведет себя отвратительно, его гонят, но он неизбежно возвращается, ибо без него сей античный рай явно неполон. Молодые герои фильма создают себе новый моральный кодекс, предписывающий «иметь ясность цели, быть великодушными, настойчивыми, гуманными, чтобы не только любить, но и ненавидеть, равняться на вождей – зодчих социализма» и т. д. Старый профессор поначалу не понимает их морали, а потом полностью признает ее. Через некоторое время возникает ощущение, что все эти бесплотные англообразные люди пребывают на том свете и находимся мы в некоей метафизической оболочке, витающей над реальной жизнью 30-х. Это мир вечного целомудрия, и хотя главный герой влюблен в замужнюю женщину, максимум, что он может себе позволить, – это пройтись с ней по призрачным дорогам застывшего элизиума.

Фильм «Строгий юноша», сильно отклонившийся от магистрального пути советского искусства, проложенного ему

мифом, вдруг обнаружил полную бесперспективность идеального мира как такового. Неудивительно, что он не вышел на экран. Фильм вызвал раздражение Сталина не только формализмом, которого он не переваривал, но наверняка и своей тайной метафизической проговоркой – советский мир как осуществившийся идеал на экран предъявлен быть не мог, ибо в подобном идеале невозможно жить.

К концу тоталитарного времени – в 40-е – полное отсутствие в воздухе эпохи метафизического начала – пусть даже и квазирелигиозного – совершенно изничтожило художественный мир, а уж экранный тем паче. В 30-е хоть был пафос бешеной энергии борьбы с врагами – внешними и внутренними – пафос огня. Он весь устремлялся к взыскуемой и чаемой грядущей войне – вон как о ней мечтали юные герои Гайдара, как упивался ею, будущей и опять-таки очистительной, Александр Петрович Довженко, как грезил молодые еврейские интеллигенты – Коганы да Кульчицкие: «И мы еще умрем в боях, чтобы от Англии до Ганга сияла родина моя!».

Скоро они ее получают, и по полной программе. Они долго гнали своего дьявола, долго его воспитывали, опекали – и это помимо дьявола всеобщего, тоталитарного. А как получили, он их, как водится, всех и пожрал. И оставшиеся, выжившие совершенно не знали, куда двигаться дальше. Их хозяин, товарищ Сталин, поначалу тоже несколько подрастерялся – и не очень решительно прикидывал, то ли на борьбу с Европой и Черчиллем всю страну направить, то ли с американцами поссориться, то ли всех евреев уничтожить... Но остановился просто на создании идеального коммунистического мира. К 1950 году он его выстроил – снова зацвели по всему СССР сады, открылись ярмарки да базары, как подтверждалось в «Кубанских казаках». Но какая-то тоска воцарилась в этом райском пространстве: жить внутри свершившегося мифа людям оказалось дискомфортно – у них исчезло

стремление к преодолению – к той самой борьбе, к которой все так привыкли. А как жить нормальной жизнью, они не знали.

И вдруг однажды они впали в прекрасный сон об этой жизни: в фильме Г. Александрова «Весна» она возникла как греза, как некая желанная и манящая прелесть, зовущая пением призрачных сирен, как «сны о чем-то большем». Александров создал зеркало несуществующего, но дивного бытия, «страну чудес», в которую советские граждане провалились, словно целая толпа Алис, и на короткое время жили там – ведь успех фильма был ошеломляющим. Выяснилось, что, как и у героев ленты, у человека может возникнуть право на инобытие, где свершатся все его глубинные мечты. Александров распахнул ворота в элизиум вечной весны, но весны сновидческой – неслучайно почти всё действие фильма, за исключением бодрого городского маршевого пролога, происходит или вечером, в мире сумеречном, зыбком, или в мире волшебном – на киностудии, на советской «фабрике грез», где реальный мир отражается в чуть фантомных, но непременно художественных образах. Сие загадочное зеркало всё меняет местами, приглашая героев на своеобразный бал Золушки – и вот зажатая «ученая» (смешное слово «ученая» бесконечно повторяется в фильме) мымра превращается в красавицу, обретает любовь, а ее «двойница» – веселая актриса-неудачница становится наконец звездой, да и всех сей бал, сие зеркало раскрывает новыми гранями, одухотворяет – и не только героиня, но и остальные персонажи любовь обретают. Кстати, обратим внимание, что они немалоды – всем чуть за 40 – они лишены молодой неукротимой энергии героев 30-х, они пожилы, они немного устали, а по умолчанию, конечно же, прошли войну, и это понятно. То есть они успели пожить в аду и теперь заслужили свой подлинный рай. Но такое ощущение, что проходит волшебная ночь – и бал Золушки заканчивается, и вот герои снимают маски и от лица актеров, исполнивших их роли, обращаются к зри-

телю. Да, они поют веселую песенку, но мы-то чувствуем, что их преображение и возвращение в привычную, естественную жизнь неслучайно: сказкам надо заканчиваться, ибо для житейской реальности они непригодны. Греза остается грезой, сохраняет свои конкретные очертания, но – ведь она была, она пролетела, эта птица счастья, мы ее увидели, почувствовали! И птица-то сия была какой-то несоветской, буржуазной какой-то, и герои-то фильма, зов ее услышавшие, предстали пред нами в неких буржуазных очертаниях: они слишком красиво одеты для советских граждан, и живут-то в огромных квартирах, и на машинах с шоферами разъезжают. И на них, а не на пролетариев и героев впервые советский режиссер предлагает равняться, как будто говоря нам: их мир на экране – подлинный, ибо воистину прекрасный. Да, он призрачен, он волшебен, но тем не менее он есть, он существует, он где-то рядом.

И сей мир подспудно формирует новый миф. Миф, лишенный пафоса борьбы и крови, миф легкий и воздушный, зовущий нас в изысканную и утонченную реальность, где люди вежливы и ироничны, где мужчины похожи на мужчин, а женщины на женщин – и костюмы у них соответствующие, а не мундиры, гимнастерки, комбинезоны, робы и куртки в стиле советского унисекса, где на общем плане уже и не совсем понятно, мужик пред тобой или баба. В «Весне» вообще всё иначе – такого мира советский экран не знал. И, может быть, в том числе и поэтому тут впервые на экран явился Бог не Бог, но хоть какой-то ответ Его, что-то Подлинное – пусть и в форме чуть таинственной грезы, чуть волшебного видения.

Промелькнуло сие видение и исчезло. Снова воцарился на земле серый туман. Но вот умер Сталин, и уж не в поисках ли того чудесного видения, того Острова сирен отправились на плоту «по Яузе-реке» герои «Верных друзей» М. Калатозова? – первым свободным летом года 1954-го поплыли остроумные и свободные люди,

пусть опять-таки пожившие и уставшие – всем было чуть за 50, но поплыли в надежде собственного инобытия и открыли его – кто в новом понимании жизни, а кто и в старой, но вернувшейся любви.

И уж не в поисках ли того же инобытия создают свой радостный, веселый и по-настоящему свободный Новый год молодые герои «Карнавальная ночь» Э. Рязанова? – создают не просто супершоу, но Игру с перевертышами и сменой масок – в пику тупому начальнику Огурцову, символизирующему старое время. Чувствуется по всему: скоро должен произойти прорыв. Религиозный. Метафизический.

И он происходит. Имя ему «Летят журавли». Авторы его – режиссер М. Калатозов и оператор С. Урусевский. Для прорыва им понадобилась простая пьеса В. Розова «Вечно живые». И полное ощущение, что на ее месте могла быть практически любая другая – главное, чтобы не тем, сталинским языком написанная, а несущая какие-то новые смыслы. Столь новые, что станет отнюдь не случайным получение фильмом «Золотой пальмовой ветви» Канн, ибо не только нашему кинематографу авторы ленты метафизические смыслы открывали, а, пожалуй, и всему мировому – ведь он тоже после перенесенных военных страданий, после выхода из ада путь потерял, тоже подзавис в каком-то тревожном, до конца не проявленном пространстве полумглы. Искал условный идеал в бедном простом народе – сиречь в неореализме.

А у нас в 50-е годы происходило рождение души. Из тьмы, из пустоты, из ничего прорывалась на свет Божий душа. И – не могла найти себе трансцендентного выхода. Зависала в каком-то промежуточном пространстве между небом и землей, адом и раем, между жанрами, стилями, направлениями, между прорывающимся наружу авторским началом и все обволакивающей мифологией времени, еще вполне советской и отнюдь не настраивающей на личностное, а тем более на религиозное осмысление происходящего.

Душа кинематографа 50-х как будто пугалась возложенного на нее бремени и предпочитала таиться, боясь открыть свою подлинную сущность. Но путь ей все же открыли. М. Калатозов и С. Бондарчук. «Летят журавли» и «Судьба человека».

В этих фильмах разверзались небеса, земля под ногами поднималась, словно стена, мир раскалывался на две половинки, повергаясь наземь. И все ради того, чтобы простой, ничем не приметный человек мог впервые задать себе вопрос: «За что же ты так искалечила меня, жизнь, за что так исказила?». Задавал его герой фильма «Судьба человека».

Можно было бы ответить: а вот как раз за то, что был никем, тупо вкалывал на шахте, пил по-черному, а порой и жену бил. И только пройдя сквозь страдание, впервые осознал себя в мире. Может, и человеком-то стал только сейчас?.. Да вот только осознал ли до конца? – ведь не встретить герой маленького сироту Ванюшку, ставшего ему сыном, спился бы, сдулся от неготовности вместе свалившееся на него и неведомое ему бремя бытия.

Духовный путь сквозь бездну проходит и Вероника в фильме Калатозова. Здесь тоже перед нами погружение души в ад, прохождение своего пути и финальное растворение в космической гармонии, когда мгновение и вечность неразделимы, когда нет ни прошлого, ни будущего, когда твое горе и твоя радость уже не принадлежат только одной тебе. Ты становишься миром, и мир становится тобой. Как в финалах лент А. Тарковского.

Только там духовный путь будет открыто декларироваться, там мы увидим своего рода лабораторные опыты над душой рефлектирующего интеллигента, а финал пути будет не только раскрыт через образ, через метафору (как, например, в «Солярисе»), но еще и подан в виде четкой словесной сентенции наподобие «Я могу говорить...» («Зеркало»). И заговорят, и выговорят все до конца, и в который раз не найдут ответа...

...Не то – в 50-е. Тут все на интуитивном уровне, до интеллигентского мышления героям этого времени далеко. И сами они по-человечески вполне заурядны, и понятия такого, как авторское кино, еще не существует.

Кстати, удивительно! По сути предельно авторские произведения – «Летят журавли» и «Судьба человека» – не несут в себе авторского начала. В них еще нет осознания индивидуальной художнической миссии – неслучайно они так похожи друг на друга, особенно операторской работой (как, кстати, и им подобные «Павел Корчагин» А. Алова и В. Наумова, «Неотправленное письмо» М. Калатозова и даже похожая по форме «Жизнь прошла мимо» В. Басова), – «изломанность» камеры являлась основой стиля лент, открывающих новый жанр «жития», «духовного пути».

Их можно сравнить с похожестью икон. Разных и в то же время стремящихся к некоему единому стандарту. Но, собственно, все это и есть неосознанный прорыв к Богу.

Перед нами – рождение открытия. Великого открытия советского кинематографа XX века. Перед нами прохождение сквозь божественную бездну. Бездну вне соблазна – идеологического, социального, даже жанрового – какого угодно. Бездну, проходя сквозь которую человек восходит на новые ступени в осмыслении бытия. И – просветляется душа. А может, здесь то она и рождается. Поиск искупления и поиск воскресения.

Трагедия. И даже смерть. Смерть Автора, который уже существует, но его как бы нет. Он отдает всего себя и – исчезает. Приносит себя в жертву. Но иначе не избавиться от дьявола. А дьявол – это советский миф. Он живет в прекрасном мире 50-х, напоминающем райский сад, состоящий то ли из детей, то ли из гомукулов. Эти существа, обитающие в колхозных просторах или залитых солнцем белых городах, беспрестанно смеются и легко побеждают зло, с радостью выгоняя

нагадившего «плохиша» из общего хорова. Выгоняет, как правило, мудрый и строгий воспитатель, то бишь правильный представитель правильной власти. Помогает ему в этом справедливый коллектив или еще более справедливый голос за кадром – без его подачи тут практически ничего не происходит. Быть Автором в подобной ситуации практически невозможно, ибо ты не в состоянии произнести главное: «Я могу говорить». Возможность сказать значила бы стать одним из создателей новой религии.

И они появлялись. Калатозов, Чухрай, Бондарчук, Алов и Наумов. Их фильмы – поиск новой веры (это могло называться еще и поиском правды, но в основе, конечно же, была вера, религия). И неизвестно, чего в этих произведениях больше – энергии преодоления или затаенной, подспудной рефлексии.

Сегодня, пересматривая «Летят журавли», «Неотправленное письмо», «Павла Корчагина», мы задаемся вопросами: что такое крестный путь, лишенный Бога? что обретает человек, пройдя его? и духовный ли это путь? Но задавались ли авторы подобными вопросами?

Да, это был прорыв к Богу, но на языческом, ритуальном уровне, а не диалог с Ним. Новый мир и новые смыслы рождались как будто помимо воли авторов, еще не определившихся в своем к ним отношении. Например, они не знают, почему постоянно прощают Веронику – прощают за все, даже за измену. Не знают, почему Соколов – типичный, настоящий (чуть ли не идеальный) русский человек. Не знают и какой он – простой или непростой, сломленный или не сломленный жизнью. Они в растерянности отступают перед Корчагиным, почти уже готовы посочувствовать ему как блаженному, да вроде нельзя – герой.

Как ни странно, именно эта двойственность и делает их фильмы шедеврами. Ибо впервые в советском кино здесь возникают неоднородные, неоднозначные, а главное, непознанные и непознаваемые

до конца герои. Авторы отдают им свой взгляд, и мы будто все видим их глазами. Но сам взгляд еще лишен подлинно авторского, подлинно личностного начала.

Так будет задан код на все 60-е годы. Пытаясь разобраться в человеке, авторы попутно вглядываются в самих себя и всё отдают на откуп художественной интуиции – авось, вытянет! И вытягивала.

Тема крестного пути вскоре сменится темой пути в глубины души. Каждое внешнее движение станет поверяться внутренним. Но поначалу шестидесятники пойдут навстречу солнцу – как и их маленький герой в фильме М. Калика «Человек идет за солнцем». Они пойдут навстречу миру с открытым забралом, чтобы тот подсказал им все возможные смыслы бытия. Это и будет неосознанный до конца путь к Богу. И Бог станет открываться им – открывая мир теми гранями, существования которых они даже не предполагали. И чаще всего замысел у них будет один, и довольно несложный, а смыслов откроется после просмотра бесчисленное множество. Так всегда бывает, когда ты пребываешь в диалоге с миром.

Вон сколько открытий совершают на своем легком и открытом пути молодые герои фильма «Я шагаю по Москве» Г. Данелии! По сути, они становятся апостолами некой новой веры – веры шестидесятников. Они на экране отделяют «чистых» от «нечистых»: вот этот неприятный гражданин в метро – явно не наш, да и тот трусоватый странный персонаж Р. Быкова, которого они гипнотизируют, – нет, не подойдет, а милая женщина, что так весело шагает своими каблучками по тротуару и соглашается сделать для них звонок по телефону – та явно наша – наверняка она с любовного свидания возвращается, и прекрасно! Мир овеян волнами любви к бытию, к солнцу, к самой жизни – да и время-то наступает ого какое! Светящаяся радость ждет впереди – социализм с человеческим лицом под псевдонимом «коммунизм», и шагаем-то мы туда пусть не очень дружными, но все-таки слыша-

щими и понимающими друг друга рядами – народа, интеллигенции и власти. Мы – вместе.

Писатель В. Бенигсен очень точно заметит в недавнем интервью: «Смотришь любой фильм 60-х, и кажется, Бог из-за каждого угла сейчас выйдет». Конечно. Он может оказаться рядом и в ближайшем кафе, и на новых тусовках. Он здесь, но Он невидим.

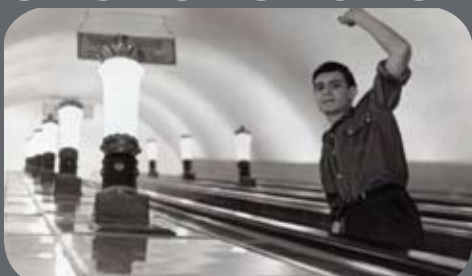
Именно невидим. Они подсознательно чувствуют Его, но осознать не могут. Они все еще атеисты. Они уже готовы к приятию Его, но еще не готовы к постижению. И Он как будто напоминает им об их богооставленности. Именно это ощущение – богооставленности – и станет главным открытием 60-х.

В эти же годы вдруг возникает странная волна антирелигиозных фильмов («Тучи над Борском», «Люблю тебя, жизнь», «Грешница», «Чудотворная» и т. д.), где невинная юная душа попадает под влияние какой-нибудь чудовищно жестокой секты и оказывается в том самом «сумрачном лесу», выходом из которого является или соединение с коллективом, спасающим от духовного дурмана, или распад души, подобие смерти (как в «Тучах...» или «Чудотворной»). Впрочем, смерть тут будет сродни тяжкому душевному потрясению, своего рода нравственному испытанию: побалансировав на ее грани, герои все-таки останутся жить и непременно вернутся назад, в утраченный рай советского общества. И ведь не только очередная антицерковная пропаганда причина появления этих лент. Эти фильмы появились не случайно. Они отпочковались от все той же духовной ветви крестных путей, и именно в них появляется зло в чистом виде, но уже растворенное в повседневноности. Зло теперь исходит от религии, но – не от советской ли?! Это она тянет личность назад, окутывая ее страхом, это она не дает ей возможности к прорыву из идеологического храма, это она уже агонизирует, порождая фантомов. И неслучайно если кто и

может спасти несчастных, запутавшихся героев, так только молодежь, уже более свободная и менее приверженная догмам советской религии, а представители старшего поколения и общественных организаций лишь еще больше начнут нагнетать обстановку, требуя безукоризненного подчинения и следования твердо предписанным правилам. Загоняя изверившиеся и потерявшие всяческие опоры юные создания во все большую душевную кому, по методам своим они будут напоминать те же секты (высказанная открытым текстом, подобная тема станет определяющей в «А если это любовь?»).

Антирелигиозные драмы окажутся символом кинематографа начала 60-х. Кинематографа, впавшего в состояние вялой безжанровости. Почти все фильмы, снятые за этот период, имеют определение «киноповести». Даже комедии и те какие-то художочные, все больше лирические (редкие жанровые всплески типа «Человека-амфибии» или «Десяти шагов к востоку» подвергаются жесткой критике). Характерно, что в соединении с цветной пленкой безжанровые драмы на современную тему («Бессонная ночь», «Первое свидание») начинают отдавать фальшью, если не балаганом – вся их духовная незрелость в познании мира моментально выпирает наружу. Яркие краски подчеркивают прямолинейность фабульных ходов, а внутренний сюжет стремится совершенно в иную сторону. Самый обидный случай – это, конечно, «Чистое небо». Как бы выиграл фильм, если бы был снят на черно-белой пленке! На первый план вместо помпезно-слащавой темы «торжествующей справедливости» вышла бы неискоренимая душевная боль героя. Но это все произойдет потом, в более поздних фильмах.

Ведь что такое черно-белая пленка? Наше внутреннее «я». Внешний мир мы видим в цвете, и чаще всего он обманывает нас, неслучайно основная масса предпочитает видеть вместо реального мира миф. А душу обмануть сложнее, ей при-

сущее другое – духовное зрение. Наверно, именно потребность взглянуть внутрь души, осознать себя как личность и связана с переходом к концу 50-х на черно-белую пленку. Цветными остаются только комедийные фильмы, то есть такие, которые предназначены для развлечения, а не для осмысления и понимания.

Душа начала 60-х – это «коллективная душа». И, как всякая душа, она – потемки. И вот вроде бы уже есть инструмент личностного проникновения в образ мира – черно-белый взгляд призван стереть в нем приметы излишнего оптимизма, но на самом деле пока это лишь слабая броня от его сложности, робкая защита от бездны. А где она, эта бездна? Внутри них же самих, отягощенных собственной немотой. Кажется, что все они измучены недоговоренностью, невозможностью пробиться друг к другу (беда в том, что пробиваться – то на самом деле некуда, и все повязаны этой бедой). Здесь почти никто не предпринимает решительных шагов, но и не желает сворачивать с избранного в начале фильма пути. Потому все пребывают в состоянии немного томительной прострации. И – странно! – герои лучших (можно сказать, культовых) лент 50-х через ад неосознанно приходили к Богу, а эти, пришедшие после, не смогли.

Да, код тех, прежних, был не расслышан – место Бога в их душах заняла социальная утопия. Оттого они пытались искать опору в коллективных мифах, а точнее – в твердых нравственных доминантах, которые, в свою очередь, продолжали рассыпаться. Вон герои «Заставы Ильича» остановились, задумались, и что получилось? А ничего. Вскоре им придется столкнуться с этим безпорьем в «Июльском дожде», в «Долгой счастливой жизни», в «Фокуснике», в «Нашем доме», в «Прямой линии», в «Лебедеве против Лебедева»... И откроется самое трагическое – испытание спором с самим собой они тоже не выдержат, ибо не откроют в себе Бога. Так, в пустыне, где герой «Прямой линии» окажется однажды, он будет сомнамбулически двигаться по горизонтالي (никаких панорам с верхней точки) – падать, лететь по песчаным откосам, снова подниматься – и, оказавшись в полном одиночестве, умрет. Лебедев же из другого фильма, может, и обретет выход, но столь временный и иллюзорный (не побоявшись отпора, нахамит транспортному хаму), что оптимистические выводы, которые предлагают нам авторы, кажутся просто наивными.

Деревенский же, «естественный» человек конца 60-х тоже окажется в экзи-

стенциальном поле: смертельную тоску он почувствует после потери любимого человека, как героини «Осенних свадеб» или «Источника». И когда жизнь их лишится всяческого смысла, обратится в дурной сон, они, сами не зная почему, будут все чаще обращать свой взор к небу, уходить от людей в пустынные просторы лесов и полей (как в «Осенних свадьбах») или же просто крикнуть в отчаянии: «Господи, за что же Ты нас покинул?» («Источник»).

Но Он их действительно покинул. Их время было прервано. И не Его ли голос звучит в названии фильма «Долгая счастливая жизнь» – самой трагической экзистенциальной драмы 60-х, повергающей нас в абсолютно опустошенный мир, в котором ничего никогда не произойдет. У человека 60-х не осталось душевных сил для совершения какого-либо поступка, долженствующего изменить духовную или душевную траекторию его судьбы. Любая ситуация, связанная с выбором, повергает его в ступор. Такие фильмы, как «Долгая счастливая жизнь» или «Короткие встречи», вскрывали подобную ситуацию изнутри: выпадая из социума, из мифа, из религии, человек оказывался нигде.

В этом ином пространстве родится новое время. Оно родится в 70-е. Пока же осознание личности связано с осознанием абсолютного одиночества – своей заброшенности и потерянности в мире. Так, героям «Долгой счастливой жизни», «Коротких встреч» или «Никогда» дана лишь возможность исчезновения, возникающая от неспособности соединить («сопрячь» – по Л. Толстому) миф (утопию) и реальность. Вместе с мифом реальность отторгала и самого человека – его мечты, его устремления, его порывы и его надежды. Интересно другое – мир на экране принимал обличье его души. Всё в нем было проникнуто саднящим чувством боли, безысходности и богооставленности. Если же мир вокруг развивался и жил согласно колебаниям твоей души, он оказывался твоим словом, то есть, в сущности, тобой. Не было ли это попыткой открытия Бога?

Но 60-е породят и еще один весьма удивительный мир, удивительное пространство. Оно возникнет как будто ниоткуда – из неких едва ли не языческих глубин. И имя ему будет вертоград.

Рождение вертограда – это рождение самодостаточного национального космоса, языческого патриархального рая, страны Муравии, у которой есть мудрый хозяин-бог, может быть невидимый, но живущий где-то здесь, рядом. Будет здесь непременно и разнообразная нечисть,

особый миропорядок, целостный, законченный, слитый с силами природы. Невидимый этот град Китеж с особой силой проявляется в эпохи, когда национальное сознание подвергается репрессиям и нивелировке. Но народный дух не может быть убит, и он селится в несуществующих Диканьке и Миргороде, блуждает на вершинах бажовских медных гор... Он зовет тени забытых предков. Те, кто обращались к этому условному прошлому и входили в вертоград, заполняли его тенями доличностного, добожественного мира, но испытывающими тоску по Высшему началу, по горнему миру. Одна из лучших лент подобного направления «Каменный крест» просто физически заставляла нас войти в сей мир теней, мучающихся поисками выхода из дремучего, исконного, нутряного аида. Они ждали своего Орфея, но он к ним не приходил. Он приходил к нам. Орфеями здесь были сами авторы.

Вертоград 60-х воплотится в грузинском кино 70-х, в лучших украинских лентах того же периода, в романтических элегиях Э. Лотяну, да и вообще во всех притчах, что будут созданы отныне и впредь. Собственно, он и породит этот жанр – притчу.

В вертограде герой начинал одухотворять мир вокруг себя. И там, и там на первый план выходила фигура создателя, творца, но им должен был стать сам художник, автор. В вертограде его присутствие было еще необходимее – прамир требовал яркого образного решения, чтобы возникала та духовная почва, на которой и должна была взрасти личность героя. И личность рождалась. У мира пока больше прав на самореализацию – оттого, кстати, он и кажется в вертограде и ретро утраченным раем, что явлен как самостоятельная субстанция и человек хоть и говорит ему «нет», но растворяется в нем.

Но рай – любой – и вправду был утрачен, и утрачен навсегда (а с ним и утопия). Уткось возвращае к «новому прошлому», сквозь пракоды патриархального бытия проступала особая, запредельная реальность горнего мира, воплощенная в вертограде. И оказалось, что он, условный, выдуманный, чуть не всамделишный, обладает большими правами на жизнь, чем ускользящее и теряющее свободу настоящее. Из жизни уходила энергетика, ее приходилось черпать в искусстве.

Вскоре именно искусство станет новой религией. Религией будущего времени – еще атеистического, но уже все более и более осознающего свой духовный стоицизм перед миром 70-х. Но это уже отдельный разговор.

Тирольская память без срока давности

Неизвестные страницы Великой войны

В наступившем 2018 году исполняется 100 лет окончания Великой, или Первой, мировой войны. Русский Центр им. Н.И. Бородиной, участвуя с 2012 года в европейской региональной программе «Неизвестные страницы Великой войны: Тирольская память», в нынешнем году отмечает это событие молодежной Вахтой памяти. Это, убеждены сотрудники Центра, послужит патриотическому воспитанию молодежи и привлечению ее внимания к памятным историческим датам и местам, связанным с русской историей в Италии.

Программа посвящена драматической истории русских военнопленных, пребывавших в австрийском плену в районе линии австро-итальянского фронта, проходившей в Доломитовых Альпах. Одна из основных задач программы – мемориализация пространства, связанного с пребыванием офицеров и солдат Российской императорской армии на территории Южного Тироля.

Русские военнопленные своими жизнями вписали драматическую страницу истории Доломитового фронта в Альпах. Всего около 10 тысяч русских военнопленных погибло в альпийских горах от тяжелой работы, голода, холода, несчастных случаев, травм и болезней.

На исходе прошлого года, 5 ноября, на воинском кладбище святого Якоба в г. Больцано состоялась традиционная памятная церемония, в которой приняли участие второй секретарь посольства Российской Федерации в Италии Д. Башаров, вице-президент русской православной общины святителя Николая в г. Мерано Андрей Прусс. К братской могиле русских солдат возложили венок от Русского Центра им. Н.И. Бородиной. В почетном карау-

ле у стен православной часовни Сергия Радонежского стояли альпийские стрелки и кайзеровские егеря. Первая мировая развела их по разные стороны фронта, память объединила во имя единой благородной цели – оградить мир от повторения трагедии братоубийственной войны.

Участие в ежегодных памятных мероприятиях на воинских кладбищах представителей российских дипломатических служб, русской диаспоры, военно-исторических организаций особо важно для сохранения исторического наследия и увековечения памяти защитников Отечества.

У православной часовни Сергия Радонежского на воинском кладбище в Больцано итальянский военный трубач, не изменяя традиции, исполнил гимн Дмитрия Бортнянского

«Коль славен наш Господь в Сионе». Ежегодно звучащая торжественная мелодия и почетный караул из альпийских стрелков – дань памяти русским солдатам Первой мировой войны.

Отдавая дань памяти погибшим солдатам, зачастую воевавшим по разные стороны фронта, молясь о русских солдатах, упокоившихся в чужой земле, в Южном Тироле помнят о трагедии войны и заботятся о будущем без новых солдатских могил.

Ирина Метелицкая,
Русский Центр им. Н.И. Бородиной
Больцано, Южный Тироль. Италия

Borodina – Meran, I – 39012 Meran, Palais Esplanade, Sandplatz 10
Centro Russo Borodina – Merano, I – 39012 Merano, Palais Esplanade, Piazza della Rena 10.
Tel.: +39 0473 23 59 76
Fax: +39 0473 60 70 35
E-Mail: service@borodinacr.it
Web: www.borodinacr.it

...А бесчестье остается

Что бывает, когда даже ради благой цели идешь на сделку с дьяволом

Речь о казаках-коллаборационистах, которые в Великой Отечественной войне приняли сторону врага, решив, что это благой цель – помочь фашизму избавить Россию от большевиков, чтобы на Родину вернулись прежний строй и уклад жизни. Подавляющее большинство из этих казаков погибло.

Казачество на Руси возникло в XIV веке и постепенно сформировалось как довольно самобытное межэтническое сословие, основным видом деятельности которого было воинское служение. Русское казачество до революции жило именно в той традиции, которая складывалась веками и передавалась из поколения в поколение. Казак – не национальность, а скорее образ жизни. Это воин, защитник. Дореволюционное законодательство России и рассматривало казачество как воинское сословие.

Одна из отличительных черт казаков – ответственное отношение к себе, к окружающим и вообще к жизни. В присяге, которую до сих пор приносят современные казаки на Евангелии и кресте, есть такие слова: «Клянусь быть образцом доброй нравственности и семейственности». Одно это уже говорит о многом. Воин, который думает о своей семье, который не отделяет ее от своей Родины и готов положить за них жизнь, заслуживает глубокого уважения.

Известно, что казаки всегда отличались набожностью, причем не показной, а подлинно глубокой. Можно сказать, что казачество – это регулярное участие в богослужениях, причастие Святых Христовых Таин, это, безусловно, венчанные браки. Не случаен эпизод из «Тихого Дона» Шолохова, когда казаки, обсуждая одного из героев, говорят: «Да он даже в церкви не был, он даже церковь не посещал». То есть, если человек не посещает богослужения, значит, с ним что-то не то. С древних времен казаки называли себя православными рыцарями, защитниками веры. И девиз «За веру, царя и Отечество» – девиз казаков. Во всем этом, конечно же, прослеживается четкое следование идеалам христианской нравственности.

С захватом России большевиками все это было решено предать забвению. Новой власти не были нужны независимые, отважные люди – им требовались послушные рабы. Начался процесс так называемого расказачивания (по аналогии с раскулачиванием). Только революция и Гражданская война сократили казачье сословие в два раза: кто погиб, кто эмигри-

ровал. Но на этом борьба с казачеством не кончилась, дальше было еще хуже.

В феврале 1920 года проходил 1-й Всероссийский съезд казаков, где была принята резолюция об упразднении казачества. Документ полностью отменял все казачьи чины, звания, награды, порядки, привилегии, даже форму одежды. Их станицы теряли самостоятельность как административно-территориальные единицы и присоединялись к ближайшим областям. По замыслу большевиков это сословие должно было раствориться в общей рабоче-крестьянской массе.

После съезда развернулась активная антиказачья пропаганда. Члены коммунистических и комсомольских ячеек всех уровней унижали и высмеивали обычаи казаков, их религиозность, военную, трудовую и семейную этику. Казаки, конечно же, тяжело это переживали. «Что хотят, то и делают с казаком», – с горечью говорили они о своей судьбе. Кто-то вынужденно смирился с несправедливостью, но многие обиду затаили. Большевицкая власть была довольна результатами «перековки»: действительно, удалось нейтрализовать огромную силу, способную ей противостоять. Но нейтрализовать – не значит убить: сила была жива. И жила она не только среди бывших терских, донских, кубанских казаков. Огромная масса, в основном участники белого движения времен Гражданской войны, эмигрировав в Европу, продолжали любить свою Россию и мечтали о ее освобождении.

Так называемые белые казаки, вынужденные покинуть Родину, за очень редким исключением, не смогли найти поддержки и среди европейцев. Они жили в голоде и холоде, болели, вымирали. Недаром греческий остров Лемнос называли тогда островом смерти, там была очень большая смертность именно среди казаков-эмигрантов. Некоторые из них от безысходности возвращались в СССР, где подвергались репрессиям.

В замечательной книге Михаила Талала «Русские участники итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры» можно найти воспоминания казака Василия Михайловича Ротова, который писал

о своем отце: «В военное время занятия в юнкерском училище проводились ускоренным темпом, и отец закончил уже при Временном правительстве. Однако он всю жизнь придавал значение тому, что он присягал Государю Императору. По окончании училища он вышел в лейб-гвардии Казачий полк в чине подхорунжия. За боевые заслуги в Гражданскую войну он был награжден орденами Станислава и Св. Анны на шею и в чине есаула эвакуировался с Белой армией на Лемнос. Впоследствии он прослужил с полком на сербской пограничной службе до переезда во Францию в середине двадцатых годов. С этого времени и до начала Второй мировой войны бывшие воины Белой армии, держась по мере возможности своих военных объединений, жили воспоминанием прошлого и надеждой, что еще пригодятся России».

О казаках и вообще о казачестве сказано и написано столько хорошего – об их доблести, верности, благочестивой религиозности, скромности, что вряд ли к этому можно добавить что-то новое. Известна и тяжелая доля, выпавшая казакам при советской власти: это сословие пострадало больше всего. Наиболее стойких из них неотступно преследовали власти. Естественно, что ни в чем не повинные, честные люди не могли любить новую власть. Говоря прямо, ее просто ненавидели. В истории казачества, повторюсь, много славных страниц. Но есть среди них одна, трагическая и позорная, которую рад был бы забыть каждый. Но она существует, и от этого факта никуда не деться. Речь идет о сотрудничестве некоторой части казачества с немецкими фашистами в годы Отечественной войны.

С приходом фашизма в Европу Сталин изменил свою политику к казачеству. Нет, никаких метаморфоз с вождем не произошло. Это был всего лишь трезвый расчет: направить эту силу против врага, тем более что регулярная армия была ослаблена. Ведь точно так он поступил и с Церковью, когда надо было искать себе союзников. Казаков стали выпускать из лагерей, им вернули их прежнюю форменную одежду и разрешили служить в армии. Расчет оправдался: большинство казаков, участвовавших в Великой Отечественной войне, храбро воевало против фашистов. Но оказались и такие, кто поверил германскому правительству, убеждавшему в «особой миссии» фашизма – освобождении России от большевиков. «Казаки Дона,

Кубани, Терека и Урала! Пробил великий час освобождения», – не уставало вещать нацистское радио на оккупированных советских территориях.

С надеждой на восстановление исторической России восприняла Вторую мировую войну и казачья эмиграция. Для них эта война была продолжением Гражданской (они не считали ее Отечественной). На Рождественские праздники в январе 1942 года они провозглашали то-сты: «В год грядущий – сорок второй, вернемся, наверное, домой». Многие казаки-эмигранты поверили главному немецкому идеологу Альфреду Розенбергу, якобы видевшему в них нацию, близкую к арийской расе. Казаки, жаждавшие свержения большевизма и возвращения на Родину, встали на сторону фашизма.

Начало казачьей трагедии можно отнести к 25 июля 1942 года. После того как немцы вошли в Новочеркасск, к германскому командованию обратилось несколько казачьих офицеров, выразивших желание сотрудничать с немцами в деле разгрома «сталинских приспешников». Михаил Талалай в своей книге пишет: «В сентябре того же года в Новочеркасске, с санкции оккупационных властей, собрался казачий сход, на котором был избран штаб Войска Донского (с ноября 1942 года – штаб Походного атамана). Фактически это означало создание местного самоуправления на территории, заселенной приблизительно 160 тыс. человек».

Весной 1943 года немцы стали формировать из казаков особую дивизию в составе вермахта. Осенью 1943 года эта дивизия была направлена на югославский фронт. Этому событию сопутствовала де-

кларация от 10 ноября 1943 года: «Если военные обстоятельства не позволят вам устроиться на землях ваших предков, мы организуем жизнь казаков, под покровительством фюрера, в Западной Европе и дадим все необходимое для достойного существования». И действительно, приблизительно в этот же период началось создание казачьего стана, который передвигался к югу Европы по мере изменения ситуации на фронте. Казачий стан постоянно пополнялся не только казаками, но и их семьями, бежавшими с территорий, освобожденных Советской армией.

В 1944 году в Берлине стало действовать Главное управление казачьих войск под руководством бывшего атамана Войска Донского генерала от кавалерии Петра Николаевича Краснова. Выходец из дворян Войска Донского, он в свое время сделал блестящую военную, политическую и журналистскую карьеру. Награжден множеством орденов за участие в Первой мировой войне. В Гражданскую воевал на стороне белых. Атаман казачьего войска с 1918 года. В 1920-м эмигрировал в Германию, где занялся политикой и активной борьбой с большевизмом.

В одном из писем 1940 года Краснов писал: «...казаки и казачьи войска как автономные самоуправляемые Атаманами и Кругом области могут быть лишь тогда, когда будет Россия. Значит, все наши помыслы, устремления и работа должны быть направлены к тому, чтобы на месте СССР явилась Россия». Последняя фраза этой цитаты – ключевая для понимания того трагического зигзага истории, который называется коллаборационизмом, или сотрудничеством с врагом, или – проще – предательством.

Краснов был на стороне немцев с самого начала. И его авторитет не мог не повлиять на многих казаков в эмиграции. Так, 22 июня 1941 года Краснов составил следующее обращение: «Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Гитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр I в 1813 году». По меньшей мере странная аналогия! Россия, сражавшаяся против агрессии Наполеона поначалу одна, а затем в коалиции с Пруссией, не обращала оружия против своих, чего, к сожалению, не сказать о казаках, к которым обращал свое пламенное слово генерал, призывая Господа – страшно сказать! – помочь Гитлеру. Краснов работал на немцев и вел за собой остальных. Конеч его был печален и постыден. Он был судим как коллаборационист и повешен во дворе Лефортовской тюрьмы в 1947 году.

На Апеннинском полуострове первые казаки появились уже осенью 1943 года. Гитлеровцы перебросили туда часть подразделений в связи с угрозой союзнических войск и активным партизанским движением в регионе. В то время как основная масса в составе 11 казачьих полков под командованием генерала-майора Тимофея Ивановича Доманова, вспомогательных частей, юнкерского училища, а также детей, жен, родителей и стариков (всего около 16 000 человек) прибыла в Италию в августе 1944 года. Большая часть казаков расселилась в районе Джемон, в городке Алессо, Каваццо и Толмаццо на северо-востоке Италии. Алессо стал вторым Новочеркасском, где главная площадь носила имя легендарного атамана Платова. Местные деревни и села были переименованы в казачьи станицы.

В книге Михаила Талалай есть воззвание, которое казаки написали специально для местного населения, в нем они разъясняют свою главную задачу: «Вы сражаетесь против фальшивой иудео-коммунистической доктрины <...> теперь мы, казаки, сражаемся с этой мировой чумой везде, где ее встречаем: в польских лесах, в югославских горах, на солнечной итальянской земле».

В Италии начиная с 1943 года усилилось сопротивление фашизму, оно подкреплялось обширным партизанским движением, куда входили и русские солдаты, бежавшие из немецкого плена. И немцы использовали казаков как заслон перед нарастающими партизанскими атаками.

«Однажды меня отец взял с собой в штаб, и я присутствовал при его разго-

Казаки в составе войск вермахта

Сибирский казак генерал Карбышев стал символом преданности Родине. Предательству он предпочел мученическую смерть в концлагере Маутхаузен: фашисты заморозили его заживо

воре с офицерами. Уже выяснилось, что немецкое командование, вопреки своим обещаниям, пользовалось казаками как пушечным мясом. По всем признакам надежды казаков о возможности свержения коммунизма в России были жестоко обмануты. Некоторые из присутствующих, еще веря в благородство немецкого офицера, гадали, к кому бы обратиться за защитой: к Розенбергу, к Герингу или еще к кому? Но, увы, даже если и существовали благородные немецкие офицеры, то они имели мало влияния на решения правительства. Мне тогда показалось, что разговор этот ничем не окончился, но оставил после себя горький осадок и чувство обреченности» (из воспоминаний В.М. Ротова).

После такого удара небольшая часть казаков из числа коллаборационистов стала переходить на сторону партизан, убивать немецких офицеров, но назвать это переосмыслением совершенного ими акта предательства и стремлением искупить вину едва ли можно. Это была, скорее, запоздалая попытка мести. Верховка Казачьего стана приняла решение переходить через горы в Австрию, чтобы передать себя в руки англичан. Этот поход дался казакам очень тяжело. На них нападали партизаны, они теряли людей, продовольствие, силы. Из всех вышедших из Италии казаков до англичан дошло меньше половины. Назвать ли это очистительной жертвой за предательство? Не знаю, не знаю... Если и жертва, не похоже, что ее принесли эти люди в покаяние.

Поразительно, но когда сочувствующие партизанам итальянцы намекали казакам на предательство, последние искренне возмущались. Они свято верили, что сражаются на благо России. Вот что писал казачий сотник Н.С. Давиденков: «Все нас там учить стараются, на ошибки наши указывают, а в общем, чуть ли не за врагов считают, за немецких наемников, изменников “русской идее”. Черт бы их взял. Не Россия им нужна, а их февральское словоблудие... Абстрактную идею со всех сторон рассматривают, а живого человека рассмотреть не могут».

«Мы знаем, что ждет нас у красных, но, вместе с тем, у каждого из нас живет в мозгу какая-то искра надежды, что и “там”, может, удастся сохранить жизнь, отделавшись 10–15 годами каторги. Но наши бойцы предпочитают ей неизбежную, неотвратимую смерть. Те, кто сдавался немцам без боя... В чем же дело? Думается, в том, что теперь, повидав иную жизнь, мы уже не в силах вернуться к советскому прозябанию и сознательно предпочитаем ему физическое уничтожение себя» (из дневника есаула Петрова).

Англичане выдали казаков советским властям. Вся казачья верхушка во главе с Красновым была казнена, остальные попали на разные сроки в лагеря и тюрьмы. Лишь единицам удалось перебраться во Францию и иные европейские страны.

Патриотическое предательство – вот таким оксюмороном можно было бы определить эту казачью трагедию. Можно допустить даже мысль о несмирении – нежелании нести свой крест в условиях, с которыми не хотели мириться. Эти строки – не попытка оправдать коллаборационизм, предательство вообще невозможно оправдать. Скорее подошло бы слово «объяснить». Но в заключение хочется говорить о главном. О самом главном.

Казаки, как известно, всегда отличались особой набожностью. От тех несчастных, о которых здесь идет речь, можно сказать: когда настал момент истины, их набожность не выдержала испытания. О какой глубине веры можно говорить, если эти православные христиане сочли для себя возможным вступить в союз с дьяволом? Нет такой благой цели, которая могла бы оправдать эту сделку. Были бы они христианами, но не православными, а иезуитами, чей девиз – «все средства хороши», и разговор был бы другим. Но они считали себя православными. В чем же оно, это православие? В том, чтобы исправно ходить в церковь, непременно венчаться, осенять себя крестным

А это символ возмездия за предательство – позорная смерть

знаменем? Надо ли говорить, что все это важно и нужно? Но не менее важно помнить наставления апостола Павла. В послании к Ефессянам он трижды предупреждает: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места дьяволу» (4:26–27); «...не участвуйте в бесплодных делах тьмы...» (5:11); «Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских...» (6:11). Не трудно предположить, что сказал бы Апостол, живи он в наше время и окажись свидетелем рассказанной трагедии. Он, скорее всего, повторил бы свои вопросы из Второго послания Коринфянам (6:15): «Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром?».

ОКРЕПЫ

Во время напастей не ищи помощи человеческой, не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от Бога: по Его мановению, в свое время, придут люди и помогут тебе.

*Святитель Игнатий
(Брянчанинов)*

Умению жить в мире надо учить с детства

Руководитель детской хореографической студии «АкТер» Оксана Георгиевна Терещенко беседует с корреспондентом «Лампады» Юлией Камагиной

— Известно, что слово «работать» применительно к театру не употребляют. Особенно актеры. Только «служить». Я права?

— Да, это так. Возможно, что для многих выражение, что он работает в театре, абсолютно нормально. А некоторым будет резать слух.

— Почему так сложилось?

— Не знаю. Служение отличается от работы, по-моему, тем, что это абсолютная отдача своего таланта, дарований делу. Театр — это как раз то место. Оно хранит историю, традиции и благодарность предыдущих поколений. Каждый настоящий артист бережно несет и передает эти традиции дальше. Как эстафету.

— Оксана, вы — балерина, артистка, руководите детской балетной студией. Тоже, выходит, служите.

— Совершенно верно.

— Вы — православная. Следовательно, служите Богу. В Церкви тоже употребляют это слово. Ведь не говорят же: он работает священником. Он служит священником.

— Думаю, у нас в этом смысле есть общее.

— Вы сейчас сотрудничаете со знаменитым Государственным театром классического балета Натальи Касаткиной и Владимира Васильева. К сожалению, в

этом году не стало Владимира Юдича. Я понимаю, что иметь столь весомую творческую поддержку — прекрасно. Не боитесь, что в такой мощной структуре ученики вашей студии бесследно растворятся?

— Ничуть. Сейчас я еще с большей радостью принимаю приглашения участвовать в спектаклях нашего театра со своими учениками. Это как раз тот пример, когда ты можешь передать свои умения и знания другим. Теперь ясно понимаю: моя студия родилась не иначе как по Божиему Промыслу.

— Это как?

— Ни сном ни духом не помышляла о подобной деятельности. Но так получилось, это было давно, что мне пришлось пойти работать к подруге, которая занималась с детьми. Когда мои проблемы решились и можно было вернуться к прежней жизни, оказалось, что я... не могу оставить малышей. Это был первый шаг. Со временем он привел к созданию детской студии. В этом году нам будет уже десять лет.

— Обычно на выбор профессии влияет так называемый родительский фактор: либо преемственность, либо осуществление отцовской или материнской мечты.

— В моей жизни родительский фактор был как раз с противоположным зна-

ком. Мама — медик, папа — филолог. Они слышать не хотели о балете, а я очень хотела стать балериной. Спасла бабушка: она настояла на том, чтобы ребенку не мешали. И в девять лет я поступила в знаменитое хореографическое училище при Большом театре. Забавно, что когда поступала из подготовительного класса в первый, сказали, что мне не хватает нескольких сантиметров роста. Я испугалась: неужели не возьмут?! Но мне порекомендовали есть морковку, только и всего. Все лето я грызла заячью еду, но к осени — представьте! — «вырастила» эти сантиметры, и меня приняли.

— Вы начали заниматься в девять лет. Для балета это довольно поздно.

— Сначала, до хореографического училища, я занималась танцами в знаменитом «Доме учителя», как многие девочки и мальчики, для общего развития. Туда я поступила в пять лет. У меня был замечательный педагог, балерина очень преклонного возраста, Фаина Михайловна. Она настояла на том, чтобы мама отвела меня на просмотр в школу при Большом театре.

— Мне кажется, иногда родители перебирают с нагрузками на своих детей. Вы не считаете?

— Такой момент есть. Но в принципе всё очень индивидуально. Могу сказать о балете. Многое зависит не только от физической формы. Важно, насколько ребенок коммуникабелен, внимателен, умеет вслушиваться в то, чему его учат. У нас есть трехлетние дети, которые прекрасно занимаются. Конечно, они не встанут к станку, не будут крутить фуэте, но у них уже вырабатываются такие важные качества, как трудоспособность и самостоятельность. Тогда к пяти годам о ребенке можно говорить как о личности, на которую можно надеяться, как на взрослого, и даже выпустить на концертную площадку.

— Всё это прекрасно. Но искусство неотделимо от страстей. В балете, как я понимаю, они особенно накаляются: ведь век балерины скоротечен — значит, надо успеть. Зависть, соперничество, славолубие... Ведь всё это не щадит и детские души.

— Вы правы: это очень серьезный и болезненный вопрос. Я внимательно слежу за тем, чтобы такие отношения в нашем коллективе не возникали. Если дети начинают задира́ть нос, я им даю понять, что мне это очень не нравится. Если начинает появляться «звездность», разьясняю, что

это за качество, советую обратить внимание на те черты своего характера, которые нуждаются в корректировке. Многие детишки ленивы, это меня беспокоит. Иногда спрашиваешь, почему ты не делаешь тот-то и то-то? А он молчит и только пожимает плечами. Значит, надо найти к нему подход. Объясняешь, что, если ты плохо выступишь, твоей маме будет очень стыдно. И чтобы ее не обидеть, придется не выпускать тебя на сцену. И это срабатывает! А в общем и целом могу сказать, что я за своих питомцев спокойна.

– Правильно ли предположить, что вера практически помогает вам в работе и воспитании учеников?

– А как же! Не только предположить – это действительно так! Без веры – вообще никуда! Именно вера помогает добиваться того, чтобы в творческом коллективе не проявлялись те страсти, о которых мы говорили.

– Но у вас, наверное, не все детишки верующие? Вы приобщаете их к вере, водите в храм?

– Воцерковлены не все, но православные – все. Нет, я не занимаюсь проповедничеством. Во-первых, у нас светская, а не духовная школа. А во-вторых, на современного ребенка особо не надавишь. Будет только обратный эффект. Мы поздравляем друг друга с православными праздниками, на Пасху обмениваемся куличиками. Господь Сам призывает каждого человека в свое время. Но если из проповеди священника что-то отмечаю для себя, то во время очередного урока в студии могу это использовать, аккуратно направить ребенка, подсказать ему. Говорю: «Господь дал тебе так много! Почему ты не пользуешься этим? Обижаешь Бога?..».

– Я заметила: вы уже второй раз употребили слово «обидеть». Вы придаете большое значение тому, чтобы дети старались никого не обижать?

– Мне кажется, это вообще самое главное в жизни – уметь жить мирно. Отсюда вообще все идет. Это же еще Серафим Саровский говорил: «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Почему они спасутся? Потому что научатся мирно жить. Я так понимаю эти слова. Например, в нашем студийном коллективе всегда мирно и радостно. Смотрю на них – душа ликует.

– А есть бывшие ученики, которые теперь стали вашими коллегами?

– Да! С Машей Илич я начала заниматься, когда ей было шесть лет. А теперь, после окончания хореографического училища имени Кириллова, она пришла ко мне работать. Мария прекрасно занимается с детьми любого возраста.

– Наш век называют веком наступления женщин. Это касается балета тоже?

– В балете это действительно так. К сожалению. Раньше никто не говорил, что балет – это не мужская профессия. Сейчас – говорят. Больше приходит девочек. Мальчиков набирают практически всех без разбора. Раньше был очень жесткий отбор по физическим данным. Не думайте, все не так уж мрачно. Наш, российский, балет как был великим мировым искусством, не сомневаюсь, таким и останется. Лапаури, Габович, Сергеев, Жданов, Либепа, Васильев... Какое созвездие!.. Ведь талант – это не только личное достояние каждого, как, скажем, его зубная щетка. Талант переплавляется в культуру страны, народа, всего человечества, наконец! Так что с нашими мужчинами, я уверена, все будет в порядке.

– Как и с женщинами, наверное?

– Как и с женщинами. Уланова, Плисецкая, Семенова, Лепешинская, Дудинская, Павлова... Я смотрю на сегодняшних балерин и вижу в них продолжение их великих предшественниц.

– У вас, насколько я знаю, есть еще одна серьезная линия жизни. Она тоже связана с детьми. Но это – дети с ограниченными возможностями, и к тому же сироты. Как их судьбы стали частью и вашей жизни?

– Я была прихожанкой Казанского собора, что на Красной площади, знала, что храм помогает Дмитровскому детскому дому. Стала ездить туда. У меня тогда был еще только танцевальный кружок. Почему-то я решила показать тем детям своих детей, а они были еще совсем масенькими. Приехали. Выступили. И так несколько раз. Потом наступил перерыв, а воспоминание от первой встречи не уходило. У лифта стоит маленькая девочка и кричит вдогонку: «Вы еще приедете? Станцуете сказку?». Я обещала, хотя – не буду лукавить – и в мыслях не было, что я, балетная, буду заниматься с детьми, у которых проблемы с движением. Но стоило мне сделать, образно говоря, первый шаг, и я поняла, что возможности человека действительно безграничны. Когда во время спектакля ребята в колясках выезжают на сцену, зал взрывается аплодисментами. Это не аплодисменты сочувствия или жалости. Это аплодисменты восхищения и уважения, гордости за человека.

– Честно говоря, я не представляю, как такое возможно – научить двигаться, да еще под музыку, того, кому движение вообще дается с огромным трудом!

– Вначале они мне твердили: «Мы – инвалиды. Мы не можем». Это буквально вросло в их сознание. А у меня подход был один. Я просто говорила им: «Я ничего не хочу слышать. Пожалуйста, сделайте так, как я прошу. Вы сможете». А теперь они радуются каждым новым сложностям, потому что испытывают радость преодоления, победы над собой. Но ребята не капризничают. Они понимают, что и наши возможности ограничены. Специально оборудованных площадок очень мало; даже если в зале есть пандусы, чтобы человеку с ограниченными возможностями попасть на сцену, нужна мужская помощь. В нашем обществе еще пока мал опыт общения с такими людьми. Думаю, когда у каждого появится желание помогать, многие проблемы отпадут сами собой. Раньше было меньше добровольцев – людей, готовых протянуть руку помощи. Сейчас все чаще слышишь: «Давайте поможем!». Люди тянутся к жертвенности, к доброте. Это радует!

– Самые первые помощники-добровольцы – ваши близкие?

– Господь даровал сильное, надежное плечо – моего мужа. Он полностью разделяет мою жизнь. Я – человек эмоциональный. Переживаю, если у кого-то из моих учеников что-то не получается. Возвращаюсь с работы, начинаю рассказывать всё это супругу, он не просто слушает, а дает мне советы, и все это спокойно, умиротворяюще... Я благодарна ему за всё. Это – счастье, когда утром ты открываешь глаза и говоришь родному человеку: «Давай поедем в Дмитров!» или «Давай поедем в паломничество!». А он соглашается, причем делает все, чтобы то или иное дело складывалось наилучшим образом.

– Вы так интересно обо всем рассказываете, что мне жаль, что некого привести к вам.

– Подумайте: может, найдется. Мы каждый год во второй половине августа проводим набор в нашу школу. Бывает, к нам даже возвращаются те, кто у нас учился раньше. Родители были против: считали, что нужно полностью отдавать себя школе. А потом проходило время, и всё возвращалось. То ли родители подобрали, то ли детки убедили... Когда они вбегают в знакомый класс, их лица просто сияют от радости. Они говорят мне: «Вы не представляете, как мы счастливы, что вернулись!». Пусть это не станет их профессией, но приобщение к прекрасному в сочетании в хорошей физической формой им наверняка поможет в жизни.

– А вам желаю помощи Божией во всем. Благодарю вас.

– И я вас благодарю. Слава Богу за то, что наша беседа состоялась.

Новинки издательства Никея

Протоиерей
Александр Абрамов

Жаждающий пусть придет. (Беседы на воскресные и праздничные евангельские чтения)

В воскресенье и праздники на литургии в храме читается Евангелие. Но не всегда мы можем сосредоточиться на смысле священного текста, почувствовать его, подумать над ним. Книга помогает читателю настроить свою жизнь на ритм Церкви, вникнуть в смысл Евангелия, дает пищу для размышления.

Ирина Рахимова

Ошибки семейной жизни. (Понять и исправить)

Семья — это школа любви. Еще ее можно сравнить с прииском, на котором золотоискатели старательно ищут жилу, отсеивая все лишнее. Мы тоже отбрасываем «пустую породу» — наши недостатки, придирки, обиды. Золото — это любовь, которую супругам предстоит открыть в себе и своей второй половинке.

Дарья Косинцева

Дневник бывшей атеистки

Вера — это кайф! Только так человек становится по-настоящему свободным, любящим и счастливым. Не верите? Сама не верила, — говорит автор популярного блога «Меньше ада» Дарья Косинцева. Ее пронзительная, ни на что не похожая история о личном пути из атеистов в христиане, рвет существующие шаблоны.

Протоиерей
Сергей Овсянников

Книга про свободу. (Уйти от законничества, дойти до любви)

При честном взгляде на всю нашу жизнь и даже всю человеческую историю оказывается, что один из главных ее лейтмотивов — поиск свободы. Эта жажда захватывает все сферы жизни — от искусства и политики до физиологии и быта. Откуда это в нашей природе? Почему так трудно сбежать из внутреннего рабства? И главное — как стать свободными?

ISSN 2225-0271

9 772225 027100